

ПАМЯТИ АНДРЕЯ КРУЗА

ПАВЕЛ КОРНЕВ, ВИКТОР ТОЧИНОВ,
ШИМУН ВРОЧЕК, АНДРЕЙ УЛАНОВ,
ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

ЗЕМЛЯ ЖИВЫХ

Вселенная Андрея Круза

Роман Глушков

Земля живых (сборник)

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глушков Р. А.

Земля живых (сборник) / Р. А. Глушков — «Эксмо»,
2018 — (Вселенная Андрея Круза)

Эта книга посвящается памяти безвременно ушедшего от нас писателя Андрея Круза. Авторы рассказов, вошедших в антологию, не просто коллеги Андрея по писательскому ремеслу, а единомышленники, и тексты ими написаны в схожем ключе: боевая фантастика, где действие разворачивается в мире пост-апа, или зомби-апа, или попросту в смертельно опасных жизненных обстоятельствах, сваливающихся как снег на голову. Мужественные и brutальные герои этих произведений не страдают рефлексией, они и озабочены спасением не столько мира, сколько себя и своих близких. Причем зачастую делать это приходится с весьма ограниченным джентльменским набором: винтовка, десяток патронов к ней, пара банок тушенки... А еще – собственное неукротимое желание выжить и жить, назло всему, назло всей взбесившейся Вселенной. И они выживут. Или не выживут, но тогда погибнут без стыда за собственную слабость и трусость.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Глушков Р. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Шимун Врочек	7
Алексей Штейн	28
Тим Волков	42
Ася Михеева	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Земля живых (сборник)

Посвящается памяти Андрея Круза

Предисловие

Pro Андрея и его фантастические миры

На дворе стоял 2009 год, книжный отдел «Ашана» заполнили черно-тусклые томики про четвертый энергоблок и бродящих вокруг него сталкеров, а в старой доброй серии «Фантастический боевик» все чаще мелькали очень похожие обложки с мужиками при ружбайках, в нехилом обвесе – и с незнакомой мне фамилией Круз. «Эпоха мертвых: начало» чем-то привлекла, купил и прочитал. А потом...

Приводить давнее мнение, возникшее после прочтения и выложенное в Сеть, сейчас неуместно – оказалось оно не слишком комплиментарным. Думаю, сам Андрей, вспомнив о той истории почти десятилетней давности, посмеялся бы. Нрав у него был довольно крут, он тогда ответил на критику, слово за слово – и понеслось...

В 2013-м, на своей странице СамИздата, Андрей прекратил наш с ним сетевой спрч четким мужским предложением: забыть, пожать друг другу руки и просто писать фантастику. Так и сделали. Через пару месяцев он предложил приехать в Германию на тактическое учение, пообещал много интересного и уйму стрельбы. К сожалению, не сложилось и лично мы так и не встретились.

Сейчас, спустя почти десять лет после первой прочитанной его книги, пишу предисловие к сборнику, посвященному его памяти. И, как бы это ни показалось странным, не стану перечислять подмеченные качества Андрея Круза как человека, пытаюсь донести свою личную позицию. Лучше рассказать о моем взгляде на его книги, причем с точки зрения не писателя, а читателя. Полагаю, многие авторы сборника думают так же.

Андрей Круз писал о том, что любил. Его неприкрытая страсть к суровым «мужским» вещам – оружию, снаряжению, серьезной технике, – чувствовалась в каждой книге. Возможно, именно эта страсть и подарила Андрею так много читателей, вывела его в топ русскоязычных писателей-фантастов. Да, тиражи романов Круза не могли сравниться с тиражами Лукьяненко, Панова или Семеновой. Наверное, его этот вопрос и не заботил. Андрей четко знал: его книги найдут своих читателей – и не ошибался.

Знаю, что многие авторы не понимали причину роста его популярности, пеняли на засилье ТТХ и магчасти, на шероховатый язык, чуждый изящным литературным оборотам.

Причина проста: Андрей Круз был в душе авантюрист, и, родись он несколькими веками раньше, полагаю, наверняка первым бы пересекал океаны и прерии, открывал неизвестные земли, воевал с дикарями-каннибалами – ведь авантюрный склад характера, если уж есть, не даст усидеть на одном месте.

Не сложилось: эпоха другая, все неведомые земли открыты, и пересечь океан можно за несколько часов, проведенных в комфортном кресле «Боинга». И Андрей, человек нашего времени, смог реализоваться на страницах своих романов. Авантюрная же проза, наполненная головокружительными приключениями, всегда останется в цене, и число почитателей талантливо написанных в этом жанре книг никогда не убавится.

Андрей Круз любил оружие, Андрей Круз разбирался в оружии, и Андрей Круз был гуру выживанцев. Скольким начинающим фантастам задали планку его книги? Очень многим. И найти «фирменные» приемы Андрея в книгах других авторов жанра несложно. Но у него те же приемы получались как-то особенно – непередаваемо лично и по-мужски.

«Земля лишних», «Эпоха мертвых» и «Мир тьмы» – три основных сольных цикла Андрея: неопитам, лишь начинающим знакомиться с творчеством Круза, эти книги откроют много интересного. Динамичного. Жесткого. По-настоящему мужского.

Он не чурался экспериментов, и «Лучший гарпунщик», изданный как «Ветер над островами», «Рейтар» и последние книги это доказывают. И если поначалу, столкнувшись с неприятием читателями авторских новаций, Андрей возвращался к привычным темам, то чем дальше, тем больше он стремился выйти за рамки жанра. И очень жаль, что мы не сможем больше оценить новые результаты его творческого поиска и желания удивить своих читателей.

Спасибо тебе, Андрей. «Я Еду Домой» всегда будет стоять на моей книжной полке. И прощай.

Дмитрий Манасътов
Самара, 05.05.18

Часть первая Братья наши мертвые

Шимун Врочек Русские в «Космосе»

Недавно умер писатель Андрей Круз. Мы не были лично знакомы.

Поэтому я не буду говорить о нем лично. Уверен, он был прекрасным человеком и другом... А его книги радовали и будут радовать миллионы читателей даже после его смерти. Я скажу о печали.

Все мы кого-нибудь теряли.

В этот момент в киноленте нашей жизни появлялся засвеченный, темный слайд. Или целый обожженный кусок киноплёнки, направить на который луч света было бы слишком больно.

И тогда появляется желание схватить монтажные ножницы и вырезать этот кусок к чертовой матери, и спрятать. Чтобы боль наконец ушла. Чтобы кинолента нашей жизни снова выглядела целой.

Не делайте так, пожалуйста. Отвыкайте от людей постепенно. Это невероятно больно. Дайте им собрать вещи, сесть на поезд в светлый край, заказать чай у проводницы... Дайте им уехать, болтая и смеясь, и жить в наших воспоминаниях. И когда поезд тронется, тихонько помашите им с перрона. Можно плакать, но, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, продолжайте улыбаться. Потому что вы их любите.

Пусть, когда мы уйдем, о нас останется лишь светлая, чистая печаль. Словно затихающий звук гитарной струны.

Вечная память, Андрей.

«Ураган» – зверь-машина, поэтому мне не доверяли. Оно и к лучшему. Я бы, наверное, не удержался, вдавил разок от души. Там в движке моща космическая, на орбиту можно запросто улететь. За рулем «урагана» прапор с допуском, он сидит в левой кабине с офицером, а в правой кабине – дозиметры, генератор, вся техническая байда.

Я потихонечку за рулем автобуса – везу комплект «звездочек», от лейтенанта до полковника. Офицеры в салоне сладко дремлют, обняв автоматы. На такое дело нам положено ходить с оружием, даже мне пистолет выдают. Я «погоны» с вечера собирал по городу, с частных квартир, из военного городка, а утром, когда все заканчивалось, развозил отоспавшихся обратно. А потом тащил их «калаши» оптом в оружейку. Видели фильм «Коммандо»? Там Шварц идет, увешанный оружием по брови? Так это я, в розовых лучах утренней зари.

Вообще, люблю ночью ездить. Печка автобуса тихонько гудит, тепло, за окном темный лес мелькает. Хорошо.

Боеголовки мы возили только ночью. Чтобы штатовские спутники не застукали. Огромный «ураган» прет себе, не включая фар, как огромная черная тень. Перед ним, метрах в пятистах, движется «урал»-бытовка с двумя отделениями охраны, там автоматчики с офицером. На каждой своротке высаживают по солдатику, перекрывают съезды, чтобы никто не выскочил атомной машине в стратегический бок. За «ураганом» иду я на автобусе, а за мной – еще один «урал», тоже в полукилометре: он собирает солдатиков, оставленных на своротках.

Таким караван-сараям и движемся до подземной пусковой. Снимаем боеголовку, загружаем на «ураган» и прем обратно на базу – там ее проверят до винтика. И все за одну ночь. Или за две, если пусковая далеко. Тогда мы днем стоим, маскируемся и отсыпаемся.

А через две ночи обратно – ставить боеголовку на место.

Местные и так знали, кто тут по ночам ядерные боеголовки туда-сюда возит. Завидев «ураг», сами съезжали на обочину и ждали, пока «ураган» пройдет мимо. Он же широченный, в две полосы. Однажды, было дело, неместный один выскочил, да и решил, что он тут самый джигит.

И прет себе по пустой дороге на приличной скорости. Лоб в лоб.

За рулем «урагана» тогда сидел прапорщик Севцов, ехидный, как все старые прапорщики. Ему даже палец в рот класть не надо, ему только намекни – он у тебя все пальцы откусит. По жопу боевого товарища.

Севцов спокойно дождался, когда «жигуленок» подойдет ближе. И врубил фары в последний момент. Порадовался за «Гастелло».

Мужик за рулем «жигуленка», наверное, совсем о... очень удивился. Удивишься тут, когда на тебя такая дура прет, вполнеба. И светит прожекторами. Джигит ударил по тормозам. Визг и скрежет. «Жигуленок» вывернулся и улетел с дороги, в кусты на обочине. «Ураган» даже не дрогнул, так и продолжал идти ровно.

Я проезжаю на автобусе, а там в кустах просека и дымится что-то. Словно профессор Пржевальский решил добраться до Монголии прямо отсюда. С матом и жигулями.

А не лезь, когда советский ядерный щит прет на техническое обслуживание.

* * *

1993 год, август

– Короче, пацаны, не отвечиваем и ждем Борю, – сказал нам Киря. – «Поляна» накрыта, пошлите жрать, пожалуйста.

Боря – бывший морской диверсант, «пиранья», служил на Черном море, через границу с одним ножом ходил, а сейчас он второй человек в бригаде. Служба безопасности.

Киря – юрист. Трепло феноменальное, за это и ценят.

Мы сидим в ресторане, на двадцатом пятом этаже гостиницы «Космос». С нами две симпатичные девчонки-бухгалтерши, они какой-то аудит для бригады свели. Может, по лесозаготовительному заводу, куда я Кирю возил, может, еще по какому. Не знаю, не мое дело, в общем. Бригада решила легализоваться, а бухгалтерши сделали комар носу не подточит. Теперь пацаны их душевно благодарят. «Поляна» ломится. Икра, шампанское, фрукты, закуски всех видов. Шашлык горкой, в гранатовых зернышках. Бабок не жалеем. У бригады бабок завались.

Время такое. Веселое.

А я опять водила. Поэтому водку пью умеренно, чтобы с ног не падать.

После армии я подался на Север, Самотлор осваивать. Возил трубы и вахты. Там и познакомился с Костей Длинным. Закорешились крепко. Вместе возили вахту, шабашили, чинили машины на пятидесятиградусном морозе, вместе квасили, потом в Севастополь переехали, я Ленку перевез. Люблю море. Чтобы семью кормить, я по Крыму дальнобой гонял, по половине России, по всей Украине, а затем, когда начались смутные времена, и через Польшу до Германии. Польша вообще опаснее всего, там много наших, шоферюг, полегло. Бандюки польские открыто днем грабили машины, а людей убивали. Полиции насрать было. И монтировкой я отмахивался, и в меня несколько раз стреляли. Помню, однажды уходил от погони по проселочным дорогам, гнал бешено, а в кабине оглохнуть можно от свиста. Дыры в лобовом от пуль, палец проходит. Воздух и свистел. Но ничего, оторвался.

Пока я там весело гонял, Длинный крутил дела: продать там, купить, подвезти, а потом пересекся с Борей, своим старым другом-диверсантом. Тот Длинного в Москву позвал, а Длинный меня с собой сосватал. Так я и оказался в бригаде.

– Серый, глянь, Боря подъехал? – сказал Киря. Я встаю и иду мимо молдаван к балкону. Молдаван в бригаде двое. Один квадрат размером два на два, шея как Останкинская башня, кмс по вольной борьбе, уши изуродованы – розовые оладьи свисают, лицом чувствительного человека убить можно. Такой Кинг-Конг. Кликуха Батый, не знаю почему. Может, потому что русских не любит. Другой – Юра, его так и звали Молдаванин, хотя он русский из Кишинева, ростом ниже меня, щуплый, курносый, всегда молчит. На первый взгляд кажется, что Батый опаснее Молдаванина, но нет. Юра – это ходячая смерть. Его даже Боря опасается, мне кажется. Хотя Боря вообще ни фи́га не боится.

Мы на даче под Москвой жили. Двое молдаван и я с Длинным. Киря обозвал нас «засадным полком» и долго ржал.

Я как-то вышел ночью отлить, а Юра там, в подсобке, топор точит. Я спрашиваю: «Ты чего это задумал?» – он улыбается. Так и разговорились. Оказывается, он ночью спать не может, а если днем спит, то сидя и вполглаза. Привычка. А инструмент точил, чтобы от безделья не маяться. Молдаванин – настоящий солдат удачи, прошел Афган, Карабах, Приднестровье. Высшие награды от правительства Армении и Молдовы. Только Юре на них плевать. Он только две вещи ценит: деньги для семьи и войну.

Я, говорит Молдаванин, сюда приехал, думал, тут дело будет. Настоящее, опасное. А тут скучно. Сидишь на этой даче... Я не могу, когда скучно, я с ума сходить начинаю. У меня зависимость от войны, Серый. Я на войне, как на игле.

Вот сейчас Молдаванин сидел скучный за столом и только водку глушил. Даже в лице не менялся, перепить его невозможно. Молдаванам, похоже, наверху дополнительную печень выдают. Кивнул мне и снова наливает.

Я закурил и выглянул с балкона. Стемнело уже, парковка освещена фонарями. Де Голь торчит, как средний палец. Наши «тачки» кучно стоят. Потом смотрю, знакомая серебристая точила заворачивает на пандус. Ну все, Боря приехал. Теперь бухать будем по-серьезному. У Бори здесь номер, трехкомнатные апартаменты, есть где погудеть. На неделю зависнут. А мы завтра с Длинным на самолет – и в Крым. Типа в отпуск.

Точно, Боря. Его зеленый пиджак. Боря вышел из «бумера», огляделся и вразвалочку пошел ко входу.

И тут появился мудачок.

Это позже мы узнали, что мудачков трогать не стоит. А лучше мочить их с расстояния, из крупного калибра. А тогда кто ж знал? Тем более что у Бори и ствол при себе был.

Мудачок расхлябанной походкой шел к Боре. Диверсант наш насторожился, замедлил шаг. Зырк, зырк по сторонам. Я уже собрался пацанов звать, но не успел. Боря расслабился. В Боре два метра, он сейчас еще жирком зарос, такая живая медная статуя. Его взгляда даже дети пугаются. Что ему какой-то мудачок.

А мудачок идет и руки к нему протягивает. Алкаш, по ходу. Совсем берега потерял.

Я аж вздрогнул, представив, что сейчас с ним будет. Но Боря просто его толкнул. Мудачок покачнулся и упал, Боря пошел дальше.

Мудачок встал и побежал на Борю. Камикадзе хренов!

В последний момент Боря развернулся и вдарил ему от души. Мудачка на несколько метров откинуло, он грохнулся затылком на асфальт – словно мешок с тряпьем, а не человек. Боря вошел в гостиницу. Мудачок остался лежать.

Я помедлил. Убил он его, что ли? Черт. Нет, мудачок зашевелился и начал вставать. Нормально алкаш удар держит, я бы уже помер...

Я затушил окурок и вернулся в ресторан.

Вошел Боря и сразу к нам. Он вообще везде ориентируется в две секунды, одно слово – диверсант.

– Полотенце дай, – сказал Кире. Боря взял бутылку «Абсолюта» и щедро полил ободранную руку водкой. Розовая вода закапала на скатерть.

Взял и замотал кисть. На белой ткани салфетки проступило бледно-красное пятно.

– Ты чего? – удивился Киря.

– Да забор одному поправил, – сказал Боря. – Весь кулак ободрал. И пиджак запачкал, блин. Че ты резину тянешь? – это уже Длинному. – Наливай.

Я же говорил, Боря быстрый. Нет, мгновенный.

Боря опрокинул стакан и сел. Выдохнул. Даже закусывать не стал.

– А алкаш, по ходу, из этих, – сказал Боря задумчиво. – Интуристы, блин.

– Это почему? – Киря почесал затылок.

– Так негр он, – обыденным голосом сказал Боря. – Представляешь?

Лева гулко засмеялся. Лева – бывший боксер, мастер спорта. Он «серебро» по Казахстану брал в тяжелом весе, прежде чем попался на фарцовке валюты. Потом «присел отдохнуть» на десять лет. Как начался развал Союза, Леву выпустили.

Рядом слевой сидит Вован – словно его брат-близнец. Только Лева огромный, тяжелый, в «адидасе», с золотой цепью на шее, а Вован мелкий. Но тоже в «адидасе» и с цепью. И даже бритый налысо, как Лева. Только Лева при этом выглядит мощно и угрожающе, а Вован как оципаннный цыпленок. У него особая, сидельческая худоба. Впалая грудь и худая, морщинистая шея.

Вован – гость бригады.

Вован выпил и проводил взглядом делегацию сенегальцев... Или кто они там? В общем, целая вереница негров прошла мимо нас. Вел их рыжий парнишка, с виду русский. В очках, растянутом свитере с оленями, поверх свитера – пиджак с квадратными плечами. Смешной. Он что-то объяснял на чистом русском языке. Сенегальцы прошли мимо нас и заняли большой стол в следующем отсеке. К ним тут же побежали халдеи. Оно и понятно, валюта, все дела.

– А эти что здесь забыли? – удивился Боря.

Все повернулись и посмотрели на сенегальцев, словно до этого их не видели.

А я почему-то посмотрел на Борю. И как-то мне не по себе стало.

– Боря, – сказал я.

– Че?

– А ты чего такой...

– Какой такой? – Боря даже повернулся ко мне.

– Зеленый. Траванулся, что ли?

И правда, он совсем бледный стал, с прозеленью. Еще и в поту весь, от пота лоснится, словно из графита сделан. И главное, глаза.

Глаза у Бори стали совсем нехорошие.

Я вспомнил, такие глаза были у польского бандюка за секунду до того, как он начал меня стрелять. Черт.

– Эй! – Боря щелкнул пальцами. Официант тут же подбежал, склонился услужливо.

– Водки хорошей, похолодней. Бутылки три. Чтобы ваше ледяная, понял? Быстро! Стой. – Халдей остановился. Боря кивнул в сторону негров: – Эти кто?

– Делегация из Африки, – ответил официант. – Они со вчерашнего дня в нашем отеле живут.

– Ну-ну, – сказал Боря. Бросил на стол несколько купюр. – Водку неси. И позови того... рыжего...

Официант убежал рысцей. Через несколько минут к нашему столу приблизился тот русский паренек. Очки опасно сверкали на его коротком носу.

– Эй, ржавый, подойди сюда, – благодушно позвал Киря. – Давай, не бойся. Не обидим.

Рыжий нехотя подошел.

– Вы что-то хотели? – голос у него дрогнул. Бригаду все боятся, особенно почему-то интеллигенты. Словно у них есть что брать.

– Тебя как зовут? – спросил Боря ласково. Вообще, это фирменная манера бригадных. С равными разговариваешь, словно проверяешь. А этого что проверять? Он явно лох педальный.

Но не барыга. Барыги не заслуживают никакого уважения. А лох может пригодиться, и вообще, что его зря тиранить?

– Алексей, – сказал Рыжий.

– А что ты с этими? – Боря кивнул на сенегальцев.

– Сопровождающий от института. Меня назначили.

– Так ты за Африку бакланишь? – удивился Киря. В смысле «говоришь по-сенегальски». Студент помотал головой.

– Нет?

– Я даже английский со словарем, если честно. Не, просто у них половина по-русски говорит лучше меня. Учились здесь в разные годы. Делу марксизма-ленинизма в основном. А сейчас привезли своего принца – будет в нашей Керосинке осваивать нефтегазовое ремесло.

– Принц? – заинтересовался Боря. – Это который из них принц?

– Вон тот, в зеленом.

Боря пригляделся.

– Жирный? – спросил с сомнением.

– Нет, рядом с ним. Толстый – это его дядя, начальник охраны. Принц молодой, перед ним еще тарелка золотая. Видите? Ему по традиции нельзя есть иначе как с золота. Иначе он опозорит свое звание «принца».

– Эдди Мерфи, – сострил Длинный. Пацаны заржали. По мне, так вообще не похож, только шапочка круглая, как у Мерфи была в «Поездке в Америку». Ничего так фильмец. Мы, сидя с Длинным и молдаванами на даче, уже миллион фильмов посмотрели. Некоторые по несколько раз. А что еще на даче делать?

А мне девчонки-бухгалтерши сказали, что я похож на Мерфи в «Полицейском из Беверли-Хиллз». Аксель Фоули. Ну, я не негр, но смуглый по жизни. И волосы жесткие, как проволока, и курчавые. И такой же резкий, как Фоули. Так что нормально, мне нравится. Я подмигнул Юле через стол. Она улыбнулась.

– Говоришь, он в нефтегазе будет учиться? – уточнил Боря.

– Да, а что?

– Получается, нефть у них там нашли?

– Нефть? – Рыжий поморгал. – Да, вроде нашли. А... а что?

– Пойдем познакомимся, – Боря подмигнул Кире. Юрист усмехнулся, намахнул стопку. Выдохнул, с хрустом скусил огурчик. Вытер губы, отложил салфетку, встал. Опять пацаны какую-то аферу задумали.

– Пора с неграми о делах побазарить. – Киря отправился к сенегальцам. Через две минуты он уже сидел там за столом, пил с сенегальцами водку и болтал языком. Потом начал показывать на пальцах и черкать на салфетке – явно цифры пошли. Уже дела крутит.

Вообще, одно из сильнейших ощущений от бригады – нет ничего невозможного. Пацаны такие дела крутят, только успевай поворачиваться. Уровень страны. Раньше я думал, это когда еще советское время было, что делами мира управляют какие-то особые люди, их для этого специально учат и воспитывают. Оказалось, нет. Столько мудаков и идиотов, как при власти, я больше нигде не видел. А пацаны умные. Они этот мир взяли в свои натренированные спортом руки и вертят, как хотят. И они щедрые, за бабло не держатся. Это во власти в основном барыги сидят, что за копейку удавятся и других удавят. А пацаны барыг презирают и ненавидят.

Сейчас и с Африкой что-нибудь сообразят. Отправят братьям-неграм десять вагонов списанного нефтегазового оборудования из Бобруйска или Баку – по-братски за «зеленые». Или еще что. Может, тот же лес.

– Эй, Рыжий, – Лева почесал затылок. – А че им, больше некого отправить было? Ну, учиться? Че сразу принца-то?

Рыжий помедлил.

– Давай, колись, – добродушно сказал Лева. Рыжий покосился на великана-боксера.

– Говорят, у них там эпидемия в стране началась, – сказал Рыжий. – Какой-то вирус. Поэтому, говорят, принца срочно в Москву отправили.

– Спидяра? – спросил Боря. Голос дрогнул.

Спида все боятся до усрачки. Киря рассказывал, как Лева-боксер однажды пытался два презерватива надеть – один на другой, чтобы от СПИДа застраховаться. Ему подозрительная шляха попалась. Вот Киря ржал, да.

– Не, там что-то другое, – пояснил Рыжий. – Очень странное. Они не рассказывают, я случайно услышал, когда толстый дядя водки перепил. Он все говорил, что зараженные чуваки из провинции идут на столицу. Армия разбегается и не может остановить зараженных. И все мы, мол, скоро умрем. Поэтому они и сбежали в Москву.

Мы переглянулись. Юра Молдаванин взял стул и сел поближе. Я оглядел стол. Девчонки-бухгалтерши щебетали о чем-то своем. И хорошо. Их Лева с Вованом развлекали. Незачем девчонкам знать о всяких ужасах.

– А что за болезнь? – говорю. – На что похоже-то?

– Ну, я сам не видел, конечно. Но говорят, они... как сказать... кивают.

Рыжий почесал курносый нос. Я тоже почесал, только затылок.

– Че? – говорю.

– Кивают они все время. И остановиться не могут. Как деревянные болванчики.

Не знаю, про каких болванчиков он говорит, а я почему-то вспомнил шоферский оберег – их из капельниц плетут. Висит такой под потолком кабины «ураля», шея из витой трубки, и дрожит. Вверх-вниз, вверх-вниз. Я представил, что такое с живым человеком, и мне аж муторно стало.

Когда Рыжий ушел к своей делегации, я передернул плечами. Ладно, это в Африке, не в России. Все-таки другой континент.

От этих дурацких историй у меня проснулся волчий аппетит. Я навернул шашлыка, добавил оливье, заполировал водочкой. И сразу стал лучше себя чувствовать. Поесть это вообще первое дело.

– Серый, – сказал вдруг Молдаванин.

Я поднял голову. Что-то меня начало в сон клонить. От сытости, похоже. Покурить надо, вот что. Подышать никотином, проветрить мозги. Я достал сигареты, зажигалку. Но закурить не успел...

– Видишь? – спросил Молдаванин. Вот упорный.

Я не сразу сообразил, про что Юра. Но понял, что дело серьезное. Молдаванин просто так рта не раскрывает.

– Где? – я повертел головой.

– Вон туда смотри. Странные типы.

И верно. В ресторан «Планета» ведет длинный узкий коридор. И по этому коридору медленно и уныло бредут какие-то инвалиды. То есть это я сначала подумал, что инвалиды. Они шли молча и дергано, словно им кости переломали. У кого руку, у кого ногу, у кого ребра. Утро в городской поликлинике, блин. День травмы.

– Что-то не так, – сказал Молдаванин.

Я кивнул. У меня даже нутро заledenело от ощущения «что-то не так». Я встал и поставил перед собой стул. На всякий случай. Положил руки на спинку – если что, стулом можно отлично драться. Пальцы подрагивали – адреналин попер. Люблю это чувство. Скоро драка.

– Что там студент говорил? – спросил я.

Мы с Юрой переглянулись. Потом снова посмотрели на «инвалидов». Они приближались медленно и устало, словно их тянули к нам тросом, как бурлаков на Волге. Теперь я почувствовал, как от них воняет. Головы «инвалидов» качались, как у игрушечных болванчиков.

– Они кивают? – сказал Юра.

– Шухер! – заорал я.

* * *

– Америкэн бой, уеду с тобой. Уеду с тобой, Москва, прощай... – запела группа «Комбинация» на весь ресторан. Они что, специально эту песню поставили?

На секунду все застыло, словно в немом фильме. «Инвалиды» надвигались. И кивали, кивали... Жутко. У меня холодок пробежал между лопаток.

– Мочи козлов! – заорал вдруг Боря. Это был сигнал. И мы начали мочить. Когда действешь, страх исчезает...

– Америкэн бой, америкэн джой! – надрывалась музыка.

Я бил и бил стулом, пока не взмок. Руки налились свинцовой тяжестью.

Драться с мудачками врукопашную – все равно что бить подушку палкой. Боли они не чувствуют, переломов не замечают. А только прут на тебя и прут. Их голод гонит. Мудачки медленные, но когда их много – это страшно.

В итоге мы выработали тактику. Похватили стулья и выставили их ножками вперед, как копья. И встали плечом к плечу, что твоя древнегреческая фаланга. Справа плечо товарища, слева плечо товарища. И давим массой. А избранные, вроде Бори, лупили по верх наших голов, выбивая «инвалидов» одного за другим.

Мудачки наседали толпой, но у нас ребята – настоящие атлеты, куда там спартамцам. Мы их удержали.

У Бори был «макар». Боря быстро шел за нашими спинами и клал по пуле в голову. Мудачки падали один за другим. Больше не дергались и не кивали. Когда натиск «инвалидов» ослабел, мы их смяли и добивали уже по одному. Молотили стульями, словно снопы выбивали. Кровью весь банкетный зал забрызгали, даже на потолке осталась.

Вонь страшнейшая. Кого-то из наших вывернуло, но у меня желудок крепкий. Мне все нипочем.

Через несколько минут все было кончено. Мы остались стоять, тяжело дыша, а вокруг лежали трупы. Десятки трупов. Одних «инвалидов» я насчитал человек тридцать. А скольких они загрызли или разорвали на части...

– Америкэн бой! Уеду с тобой! – надрывались девичьи голоса. То есть даже песня не успела закончиться. Значит, вся схватка заняла от силы три минуты. А мне показалось, что прошел час.

Я услышал рычание, поднял голову.

Мой друг Длинный бегал вокруг мудачка, пинал его ногами и кричал:

– Хватит жрать принца!

Мудачок вяло огрызался, стоя на четвереньках, но принца не отпускал. Словно дворовая собака, ухватившая кость. Принц тонко верещал, пытался вырваться и отползти. Еще живой.

– Зараза, – сказал Кирия с досадой. – Накрылось дело.

Видимо, он уже сторговался с неграми, а тут такой форс-мажор.

– Пристрелите пацана кто-нибудь, – приказал Боря. – Че зря мучается.

Потом Боря, видимо, вспомнил, что ствол только у него.

– Длинный, отвали!

Длинный нехотя отошел в сторону. Выстрел. Второй.

Я поморщился. Глупо все-таки. Вот и конец принца экзотической страны. От судьбы не убежишь. Даже в Москву.

– Простите, – сказал кто-то рядом. Я поднял взгляд и увидел Рыжего. Живой! Ну, дает парень.

Боря нахмурился.

– Ты где был, ржавый?

– В туа...

– Где?!

– В туалете. Руки помыть зашел. А потом тут как грохнет, шум, выстрелы. Кричат всякое. И я решил подождать. Вдруг у вас разборка... ну, это, «стрелка». Я же знаю, когда лезть не стоит.

Боря смотрел на него, по лбу катились капли пота. Рыжий слотнул под этим немигающим взглядом.

– Ну, ты баран, студент, – сказал наконец Боря.

– Я аспирант! – возмутился Рыжий.

Боря засмеялся. В следующее мгновение смеялась вся бригада. Нет ничего лучше смеха, чтобы снять нервное напряжение.

– Ну, ты баран, аспирант, – сказал Боря добродушно. – Ладно, не обижайся. Ты вообще нормальный, по ходу.

Я промолчал. Кожа у Бори стала серая, словно стальная, и блестела от пота. Никогда не видел, чтобы Боря так потел. Как наркоман настоящий.

– Что-то я устал, – сказал огромный диверсант и вытер лоб рукой. – Мля.

Боря пошатнулся.

– Боря? – спросил Лева с тревогой.

– Разморило меня. Ваксы плесни!

«Вакса» – водка. Боря выцедил стакан до дна. Удивительно, но Боре действительно стало легче. Даже кожа порозовела. Хорошо, а то прямо живой труп, а не человек.

Я тоже налил себе, выпил – словно воду проглотил. Ни в одном глазу. Злость в крови так и бурлит, весь алкоголь выжигает начисто. Надо Юле тоже налить, совсем на девчонке лица нет...

Боря огляделся. Кажется, он пришел в себя.

– Молдаванин, проверь кухню, – велел он.

Юра Молдаванин подошел к двери в кухню, быстро заглянул. Потом взял железный штырь и заблокировал дверь. В следующее мгновение к стеклу с той стороны прислонилась чья-то физиономия. Юра отшатнулся. Дверь дернулась. С той стороны заскребли по стеклу. Физиономия ткнулась в стекло, зубы оскалены.

Кухня – все. Единственный выход для нас – через длинный коридор, к лифтам.

Туда, откуда пришла волна кивающих мудачков. Черт. А если там еще кто-то остался?

Мы подсчитали потери. Из бригады серьезно пострадал только Вован – ему прокусили глотку. Теперь он лежал худой и жалкий, откинувшись. Незрячие глаза смотрели в потолок. Высокая черноволосая Алтынай тоже погибла. Жаль, красивая девка. Вторая бухгалтерша, Юля, сидела на полу, обхватив колени руками. Лицо забрызгано кровью, юбка задрана до пояса.

Официанты погибли или сбежали. Среди сенегальцев потери были гораздо серьезнее, даром что там королевские охранники. Толстого дядю съели первым. Он пытался спрятаться

под стол, но его там настигли. Охранники погибли, защищая принца. Оружия у них не было, их просто загрызли до смерти.

– Эй, негры, давай бухать с нами! – закричал поддатый Киря.

– Заткни хлебало, – сказал диверсант. Киря заткнулся.

Боря отобрал у него бутылку, приложился к горлышку. Кадык на его шее дернулся раз, другой. По шее катились капли пота. Боря оторвался от бутылки, бросил ее на ковер.

– Так, братаны, военный совет. Че происходит? Кто-нибудь понимает? Давайте, шевелите мозгами.

Мы переглядывались.

– Ну, че молчим? – Боря оглядел всех.

И тут я заговорил. Я вообще больше боевики люблю, ужастики так себе. Но парочку тоже видел. Там, где на кладбище утечка зеленого газа из лаборатории и все мертвяки повывлезали. И еще второй, где в гигантском магазине от них битами отбивались. А они прут и прут. Их тысячи.

Так что я быстро сообразил, кто они такие, эти мудачки. И поделился с пацанами.

Помню, в тот момент никакого особого удивления я не чувствовал. Ну, живые мертвецы и живые мертвецы. Разберемся. Будто сотня фильмов на видеке подготовили меня к вторжению зомби. Рецепт известен – бей в голову. И беги, если мертвецов много. И еще – нужно найти оружие.

– Это мертвяки, – говорю. Боря посмотрел на меня, как на чудака.

– Кто?

– Ну, зомби. Фильмы видели?

Даже Боря видел ужастики с зомби. Так что скоро все поверили. Началось нашествие живых мертвецов. Надо выживать.

– Откуда они взялись? – спросил Боря.

– Из Африки приехали. Вон Рыжий нам все рассказал. Похоже, кто-то из негров был укушенный.

Рыжий кивнул и побледнел. Кажется, он только сейчас понял, что вокруг происходит.

– У принца два дня назад исчез личный слуга, – сказал Рыжий. – Может, это он.

– Ясно, – сказал Боря. – Иди, найди себе какое-нибудь оружие. Пойдешь с нами.

Так в нашей команде прибыло. Боря оглядел всех как заправский военачальник.

– Что у нас со стволами? – Боря проверил свой «макар», сунул его в кобуру под пиджак. Кажется, он расстрелял все патроны.

Остальные развели руками. Со стволами было откровенно туго. Пистолеты остались в машинах, внизу. А нам, как «засадному полку», оружие вообще не положено, чтобы не спалиться до времени «Ч». Черт, черт. Где моя монтировка, когда она так нужна?

– Киря, отдай ствол Молдаванину, – велел Боря.

– Но... у меня нет... – замялся юрист.

– Киря, млять, не время спорить.

Киря только рот открыл, чтобы возразить, а Молдаванин уже оказался рядом и вытащил у него пистолет из портфеля. Итальянская «Беретта 92», надо же. Красивая пушка, импортная. Ну, Киря известный понторез... Юра выщелкнул магазин. Осмотрел, вставил обратно.

– Запасные? – спросил Юра. Киря помотал головой. Молдаванин кивнул, словно этого и ожидал. Киря наверняка отдал за «Беретту» несколько штук зеленых, но не озаботился купить дополнительные магазины. И патроны у него, скорее всего, где-то дома валяются. Россыпью. Хрен найдешь. Ладно, 15 патронов – тоже хорошо...

Вообще, Киря болтун феноменальный, но по жизни косячный. Руки у него из жопы растут, в прямом смысле. То он машину угробит по пьяни, то стрелять в баре начнет. Ему Боря лично запретил ствол с собой носить.

А сегодня, слава богу, Киря послушался.

И тут они начали оживать.

– Млять! – сказал Киря. Мы огляделись в растерянности.

Сначала заворчал и поднялся Вован, тот, что сидел за двойное убийство. Пятнадцать лет как с куста. На флоте таких называют «пассажирами» – ставленники от начальства, что идут в поход за наградами. Вован у нас в бригаде был пассажиром, за него попросили уважаемые люди. Вован сладко ел, много пил, ничего не делал. Мы, когда с Кирей на лесозавод гоняли, Вована с собой брали. И Леву к нему в пару – чтобы не скучно было. Пока я возил Кирию по всяким юридическим делам, в администрацию, к прокурорам и так далее, Вован слевой сидели в гостиничном номере и квасили жестко. Вован за всю «пятнашку» отдувался. Каникулы.

Через месяц мы их, опухших от пьянства, забрали с собой в Москву. Просто деньги кончились.

А сейчас Вован медленно и уныло встал на ноги. Вслед за ним начали подниматься негры-охранники. И под столом что-то зашевелилось. О, толстый дядя ожил. И полез на волю, волоча разорванные кишки. Толстое брюхо волочилось по полу, оставляя кровавый след.

– Мы их, значит, учили-учили, а они нас сейчас съедят, – сказал Киря неизвестно к чему. Похоже, одной фразой охарактеризовал всю внешнюю политику Советского Союза.

– Второй раунд, пацаны, – объявил Лева-боксер. Я вздохнул и поднял стул. И мы пошли убивать их по второму разу...

* * *

Стрелять я умею, в принципе. С «калаша» и «макара» в армии научили, а из ружья – уже когда охотничий билет получил. Да и с ментами мы, было дело, ездили стрелять из СКС и всякого конфиската. Я из противотанкового ружья стрелял. Чуть плечо не вывихнуло отдачей.

Но тут совсем другая ситуация. Оружия у нас почти нет, только руки и ноги. А эти лезут с оскаленными зубами.

Бригада без оружия как голая. Вообще звездеч.

Если бы это были люди, пацаны бы назначили им стрелку или просто на испуг развели бы. В бригаде такие спецы, это видеть надо. Если такого спеца в Штаты послать – он Аляску обратно отбазарит, за не фиг делать. Штаты нам еще должны останутся. И «поляну» накроют в качестве извинений.

А сейчас все навыки правильного «базара» бесполезны. Или ты дерешься до последнего, или тебя сожрут.

Мы как-то разом все это поняли.

– Будем пробиваться вниз, – решил Боря.

* * *

Когда мы закончили с ожившими, пришло время исторических решений. «Кто виноват и как жить дальше?»

– Без стволов нам каюк, – Лева покачал головой. Пацаны переглянулись.

– Да у меня полный багажник стволов, – сказал Боря медленно.

– Где?!

– В «бумере».

Мы все мысленно прикинули, сколько до того «бумера» этажей. И там еще площадь. Что, если вся гостиница теперь в руках мудачков?

Длинный присвистнул.

Юра Молдаванин кивнул.

– Заначка, – сказал он. – Другого выхода нет.

– Че? – Боря поднял тяжелый, осоловелый взгляд. Лицо было почти черным.

– У тебя тут номер постоянный. Значит, где-то рядом схрон с оружием.

Вообще, думаю, Юра прав. Боря помешан на своей конспирации, он только при мне паспорт три раза менял. Уверен, он себе схронов штук десять по всей Москве заготовил. И пару в Подмоскowie. И там везде оружие и деньги. И документы на другое имя.

– Че сказал?! – диверсант надвинулся на Молдаванина. Тот даже глазом не моргнул.

– Боря, не заводись. Ты знаешь, что я прав. Без оружия мы тут все ляжем.

Боря пошатнулся. Багровое лицо, в поту. Боря поворачивал глазами – жутко, медленно, словно они у него заржавели в глазницах.

– Че-то прибило, пацаны. Мой косяк. Но у меня в номере здесь пусто...

– У Бори здесь номер на другое имя, – сказал Молдаванин. – Скорее всего, там хранится общак. Верно, Боря?

– Чего-о? – Боря даже обалдел от такой наглости.

Общак бригады – это сурово. Понятно, почему Боря не хочет вести нас к себе. Случись что, его старшаки на пику поставят. Даже морские диверсанты в нашем мире не бессмертны.

Только без оружия мы тут все сдохнем. Это Боря тоже должен понимать.

Боря и понял.

– Борян, по красоте, – начал Лева. – Ты извини...

– Все, заткнули пасти! – сказал Боря. – Уломали. Двигаем в запасной номер. Двадцатый этаж, номер двадцать тридцать шесть. Все, руки в ноги – и вперед!

* * *

Но сначала нужно выбраться из ресторана.

И тут мы остановились. Свет заморгал. Когда он снова загорелся ярко, мы увидели, что со стороны левого крыла к нам движутся несколько унылых фигур. Мудачки, понятно. Справа тоже кто-то идет.

Со стороны ресторана к нам двигались еще «инвалиды». Видимо, им удалось сломать дверь кухни.

– Вилы, пацаны, – сказал Боря. – Будем махаться, как в последний раз.

«Вилы» – это звездац. Безвыходная ситуация.

Нас перекрыли со всех сторон.

– Быстрее, к лифту, – велел Боря. Мы добежали. Рыжий вел Юлю, она шла как замороженная. Взгляд стеклянный. Жаль девушку, нескоро оклемается после такого.

Лева нажал на кнопку. Еще раз и еще. Бесполезно.

– Лифты не работают, – сказал он.

– Спустимся по пожарной лестнице, – сказал Молдаванин. Он помахал планом эвакуации, сорванным со стены. – Вон туда.

– Вперед, – сказал Боря. – Быстрее!

* * *

По пути мы столкнулись с двумя мудачками, но даже патроны тратить не стали. Поодиночке они не очень опасны. На одного сбросили сверху стул, а потом добили лежачего. Второго просто взяли за плечи и сбросили в проем лестницы. Плюх! И готово.

Двадцатый этаж. Мы осторожно сунулись в коридор, Боря с Молдаванином впереди. Площадка у лифта была пуста. Только в одну из дверей кто-то тупо и методично ударялся всем телом. Но дверь была заперта и не выпускала мертвеца наружу.

Мы быстро двинулись по этажу. Когда проходили мимо номеров, то в одну дверь, то в другую кто-то стучался изнутри.

Похоже, эпидемия развивалась быстрее, чем мы думали. Возможно, мы единственные в «Космосе», кто еще живой и нормальный.

– Быстрее! – опять Боря.

Номер двадцать тридцать шесть.

«РЕМОНТ», на двери висела кривая покосившаяся табличка. Дверь, белая от строительной пыли, заклеена скотчем и закрыта на амбарный замок. Вот и Борина заначка. Боря вместо того, чтобы достать ключ – для такого замка нужен огромный, – потянулся и что-то нажал вверху двери. Потом открыл ее маленьким ключом.

– Осторожно, – сказал Боря. – Я первый. Тут растяжка.

Оказалось, Боря-диверсант поставил на входе растяжку с «лимонкой». Добрый Боря, отзывчивый. Видимо, тут что-то интересное хранится. Боря аккуратно снял растяжку, вставил кольцо в гранату. Подумал и протянул гранату Молдаванину.

Номер выглядел как заброшенный. Две комнаты, санузел, какие-то доски на полу. Пыльные матрасы, шкафы. Когда мы забились в него, оказалось, что места почти не осталось. Юлю, еще не пришедшую в себя, усадили на кровать. Рыжий сбегал, набрал воды из-под крана, напоил девушку. Она послушно пила, но и только.

И тут Боря начал доставать свое добро. Шкаф оказался не шкаф, а целый склад с оружием. Боря все вынимал и вынимал, а мы открыли рты. Настоящая коллекция.

Оружия до фига. Я многого даже не видел никогда. Что, Боря собирался третью мировую войну вести?

– «Шмайсер»-то тебе зачем? – удивился Кирия.

– Пацаны знакомые подогнали, – сказал Боря. – Че отказываться-то? Черные копатели нарыли, потом восстановили. Хорошая машинка. На, держи, если нравится.

Мужские игрушки. Я тоже к оружию неровно дышу, что есть, то есть. Только это не «шмайсер», а МР-40. Это даже дети знают.

Боря достал из тайника следующую игрушку. Я присвистнул.

– Вот это намного лучше, – сказал Боря. – Кому?

Пулемет Дегтярева образца 46-го года. С лентой, как немецкий МГ времен войны. У меня друган в Монголии служил, прежде чем его в Хакасию перевели, к нашим ядерным «ураганам», – так он рассказывал, что все старые армейские склады забиты тушенкой, ППШ и пулеметами Дегтярева. И «максимы», кстати, на полном ходу есть. Мы, говорит, ими траву косили, для прикола. Машина – зверь просто. Режет ровненько, не шелохнется. Темп под тысячу выстрелов в минуту. Да уж, «максим» нам бы сейчас точно не помешал...

Вооружились мы до зубов. Куда там Шварцу в розовых лучах заката. Как там говорил Лундгрэн в «Красном скорпионе»? «Ти был в спэцназе». «Я и тэперь в спецназе».

Я хотел взять ТТ, еще советский, со звездой на рифленой рукояти, но Юра покачал головой.

– Бери «макар», – коротко сказал он. Я помедлил. Юре я доверял больше, чем себе. Хотя слышал, что киллеры бригад предпочитали именно тэтэшку – из-за его пробивной мощи и точности. Любой бронезилет навывлет. Хотя какие у мудачков броники? Надо башку разнести.

Я взял оба.

И патронов набрал столько, что сам удивился. Жадность вообще не мое увлечение. А вот хозяйственность... По старой шоферской привычке я ни одну старую деталь не выкидываю. Кто знает, когда что пригодится? Ленка уже смеется: мол, полквартиры запчастями забил. Так, в правый карман ветровки патроны ПМ, в левый ТТ. Еще по два полных магазина – в борсетку на пояс. И цветными резинками для денег закрепил, чтобы не вывалились на ходу. Тяжесть приличная получилась. Юра посмотрел на меня и кивнул.

Монтировку бы еще. Или хорошую трубу. Страшно вспомнить, сколько раз ситуация разрешалась миром только потому, что у меня была в руках монтировка. Дальнобой – особый мир. В мире дороги ссыкуны не выживают.

Юра вооружился «калашом». Обычный 74-й с деревянным прикладом, как у нас в армейке. Боря опытный, у него и «лифчик» оказался в запасе. Юра надел «лифчик», отрегулировал ремни, попрыгал. Я заметил, что с момента, как зомби на нас кинулись, тоску Юры как рукой сняло. Бодрый, глаза живые и яркие. Человек живет полной жизнью, аж завидно.

Лева взял «дегтяря», заправил ленту. На голову повязал повязку, как у Сталлоне, скинул куртку, поверх белой майки обмотался лентами. Хоть сейчас во Вьетнам. Или на штурм Зимнего. Правда, золотая цепь в палец толщиной на мощной шее – немного перебор. Ну и тюремные татуировки – хмм.

– Ну че, как, пацаны? – он покрасовался с пулеметом перед зеркалом. – Клево?

– Рэмбо вылитый, – засмеялся Кирия. – Ну, ты крут, брателло!

Сам Кирия повесил на шею «шмайсер», в портфель напихал магазины. На фига ему портфель?

– Хватит, – оборвал Боря. – Лева, пойдешь первым. Стреляй во все, что движется. Я за тобой. Дальше остальные. Молдаванин замыкающим. Все готовы?

Мы оглядели друг друга. Да уж, еще никогда бригада так не вооружалась. При мне все разборки заканчивались миром. Но зачем-то ведь Боря привез в Москву Батя и Молдаванина? Явно не для мирной жизни. Что-то у него намечалось... Впрочем, сейчас уже без разницы.

– Готовы, спрашиваю?

– Ага, – сказал Длинный за всех. Длинный взял ППШ, настоящий, времен войны. Даже магазин дисковый, на семьдесят патронов. Боря предупредил Длинного, что ППШ – отличная машинка, мощная, для ближнего боя вообще класс, но с магазинами беда. К каждому автомату нужно отдельно магазин подгонять. Никакой взаимозаменяемости в бою. К этому ППШ только диск подходит. Есть два запасных «рожка», но они не фига не подогнаны.

Боря взвесил в руках дробовик «бенелли». Классная вещь. Полуавтомат, ничего передегивать не надо. Нажимай спусковой крючок раз за разом, он будет лупить 12-м калибром. Картечью или дробью. Мертвяка если сразу не убьет, то обездвижит точно. А если патроны закончатся, им можно как дубиной фигачить. Может, Боря действительно самый умный из нас. Я вздохнул, посмотрел на Молдаванина. Или Юра...

– Присядем на дорожку, – сказал Боря. Мы уселись – кто где. Я сдвинул пыльный графин с водой и сел на тумбочку.

– Ни пуха ни пера, – сказал Боря, вставая.

– К черту!!

Мы пошли.

Лева впереди со своим пулеметом. Я видел, как бугрится от мышц его спина. Здоровый бугай. Бритый затылок начал блестеть от пота.

– Спускаться будем по пожарной лестнице, – сказал Боря.

Когда мы шли по этажу, страх прошел. Теперь мы вооружены до зубов, что нам эти мудачки... Бригада приободрилась.

Когда впереди показались шатающиеся фигуры, Лева открыл огонь. Грохот пулемета оглушительный, вся гостиница, наверное, слышит. Мудачков снесло, как не было. Пулемет – страшная штука. Один из мудачков появился из открытой двери. Длинный расстрелял его из ППШ. Прямо вообще клево. Мальчишки никогда не наиграются в войнушку... Я усмехнулся. Похоже, пацанам это даже нравится.

Отличное сафари получилось.

Интересно, подумал я, кто-нибудь из живых успел вызвать милицию или ОМОН? Вот будет приключение, если мы выйдем на ментов таким макаром, во всеоружии... Ладно, нам для начала нужно добраться до первого этажа. А там уже будем думать.

Ручка номера шевельнулась. Вниз, затем вверх. Я помотал головой. Показалось, нет?

Спина у меня взмокла. И тонкая проволочка задрожала в животе.

Что-то не так. Но что? Боря тоже это почувствовал – и замедлил шаг. Диверсант огляделся, снова пошел вперед. Молдаванин шел замыкающим, его присутствие придавало мне уверенности. Мы выберемся отсюда, я рвану в Крым, к Ленке. И скоро снова все будет хорошо. Потому что есть такие, как Юра Молдаванин.

Еще шаг. И еще. Я вдруг подумал, что давно не видел моря. Особенно рассвет – офигенное зрелище. Ведешь по горам большегруз, а небо потихоньку светлеет. И за поворотом оно, море. Дух захватывает. А дома ждет Ленка...

Кланц! Дверь номера распахнулась – прямо в центре нашего маленького вооруженного каравана.

Мертвяк вывалился из номера. И прямо на Кирию, на спину. Юрист прыгнул вперед, словно заяц, развернулся.

И тут я понял, что сейчас будет плохо. Совсем плохо. Дурные предчувствия оправдались.

Кирия в панике схватился за «шмайсер». Повернулся... глаза белые от страха. Мертвяк пошел на него. Кирия нажал на спуск. Блин!

Я упал на пол. Перекатился к стене.

Кирия вдавил спуск, его развернуло. Очередь из «шмайсера» прошла мертвяка, затем спину Левы. Здоровяк-боксер вздрогнул. Кирия продолжал стрелять. За одно нажатие на спуск он выпустил весь магазин. «Шмайсер» финальные два выстрела выплюнул в Длинного... Кирия остановился. Палец продолжал судорожно нажимать на спуск, но патроны закончились.

– Кирия, сука! – заорал Боря. Он лежал на полу. – Не стрелять!

Лева повернулся. Посмотрел на Кирию, на лежащих людей. Из рта у Левы хлынула кровь, он закашлялся.

Эх ты, Рэмбо.

И вдруг Лева завалился набок, упал. С грохотом, что твоя Пизанская башня. Пулемет выстрелил несколько раз и вывалился из руки...

Кирия убил двоих живых. А мертвец заворчал и потянулся к Юле. Пули «шмайсера» попали ему в тело, но не в голову. Считай, впустую.

Юля вдруг завизжала. Тонко и пронзительно, на одной режущей ноте. Вскочила и побежала вперед, по коридору. Мертвец загреб воздух ей вслед. Рыжий подскочил, увернулся от мертвых рук и побежал вслед за девушкой. Молодец, парень, подумал я. Догони ее и верни...

Мертвец пошел к Боре.

Я нащупал пистолет, прицелился и выстрелил. ТТ рявкнул. Пуля прошла сквозь череп мертвеца. Но тот словно не заметил. Черт, Юра был прав. Пуля из ТТ – это джентльменская пуля. Надо быть проще.

Я поднял «макар». Мертвец пошел к Боре, волоча ноги. Боря мгновенно поднялся, сунул руку под пиджак, к кобуре. И вдруг замер... Что с ним?! Боря словно впал в спячку. Он стоял опустив голову и ждал. Мертвец уже был рядом с ним.

– Боря! – крикнул я. Бесполезно. Диверсант словно не слышал.

В следующее мгновение я выстрелил из «макара». Раз, два. Никогда не стрелял с левой руки, но тут попал. Мертвец рухнул как подкошенный. Я представил, как свинцовая пуля развернулась у него в черепе, словно маленький изящный цветок. Тьфу, черт. Представится же.

И только когда мертвец упал перед ним, Боря очнулся. Словно он кассета, которую поставили на паузу, а тут нажали «play». Он выхватил пистолет и наставил на то место, где чуть раньше был мертвец.

– Че? – сказал Боря недоуменно. Моргнул и огляделся. Потом убрал пистолет и поднял с полу свою «бенелли».

Кирия сидел, привалившись спиной к стене, и скулил. Кажется, он понял, что натворил. Мертвый Лева начал подниматься. Тяжело и жутко, как каменная статуя.

Мы стояли и смотрели, как встает великан.

– Прости, братан, – сказал Боря. Поднял «бенелли» и выстрелил Лева в лоб. Вспышка, от грохота у меня заложило уши. Голова Левы взорвалась к чертовой матери. Огромный боксер с грохотом рухнул на пол. Половину коридора мозгами и кровью заляпало.

– Все, пошли дальше, – сказал Боря.

– Две минуты, – сказал Юра.

– Че?

– Мертвецы встают через две-три минуты. Иногда через пять. А его даже не кусали.

– Значит, надо добивать, – сказал Боря. – Контрольный выстрел.

– Да, – сказал Молдаванин.

Они оба были правы.

Я подошел к Длинному, лежащему посреди коридора. Он вольготно раскинулся, словно на крымском пляже. Я перевернул его на спину. Какое у него все же озадаченное лицо... Я закрыл Длинному глаза пальцами. Прости, друг.

Я знал, что через минуту он очнется и попытается меня сожрать. Но он все равно был мой лучший друг. Я взял ППШ, который ему так нравился, поднял одной рукой в потолок и выстрелил. Короткая очередь. Салют павшим, как в старых советских фильмах. Затем я направил автомат ему в голову...

«Что я скажу твоей жене, Длинный? Ты об этом подумал, когда умирал?»

– Увидимся, брат, – сказал я. – Прости, если что не так.

Я нажал на спуск. ППШ загрохотал. Прощай, Длинный.

Впереди вдруг закричали – страшно и обреченно. Черт, там же Юля и Рыжий!

Я сорвался и побежал. Промчался мимо Бори и Молдаванина. Я успею.

* * *

И я успел. Ну, так мне показалось сначала. Никогда больше не буду самонадеянным.

Юля сидела спиной ко мне на ступеньках. А перед ней лежал Рыжий в луже крови. Юля склонилась над ним и, кажется, пыталась остановить кровь... Или сделать искусственное дыхание...

– Юля! Что там?! – я шагнул к ним.

Юля повернулась. Только это уже была не Юля. Я вздрогнул. Прекрасное некогда лицо девушки было заляпано кровью, изо рта торчал кусок кровавой плоти. Юля увидела меня и оскалилась, глаза мертвые и жуткие.

За Юлей лежал Рыжий. Он был еще жив. Горло его было разорвано, он пытался что-то сказать мне. Но только воздух шипел, ни звука не долетало...

Я поднял ППШ. Сколько патронов я уже выстрелил? Не знаю. Черт, надо попросить Молдаванина, чтобы научил меня считать патроны. Он умеет.

Я нажал на спуск ППШ. Короткая очередь. Затылок Юли размазался по стене, а во лбу просто остались красные точки.

Интересно.

И тут Рыжий вздохнул в последний раз. И замер. Я посмотрел в его остекленевшие глаза... Прости, студент.

Я поднял ППШ, прицелился.

Я знал, что будет. И все равно, когда Рыжий открыл мертвые глаза, я испугался до дрожи.

Я расстрелял весь магазин в упор, до железки. ППШ затих. В следующее мгновение толстая женщина свалилась на меня сзади и сверху. Я почувствовал ее смрадный горячий дух. Так вот о чем пытался сказать умирающий Рыжий!

«Смотри, за твоей спиной опасность».

Я покатился по ступенькам, теряя оружие. ППШ улетел в сторону. Толстая мертвая женщина катилась вдогонку. Она упала на ступеньки и вдруг поползла следом за мной... Зубы ее клацали, словно кастаньеты. Я думал, поседею. Никогда не видел ничего омерзительнее и страшнее. Я полз и полз вниз, толкался пятками, а она не отставала.

Я поднялся на ноги. Толстуха все ближе... Почему она такая шустрая?!

Я встал на перила, помедлил. А затем прыгнул вниз, в лестничный пролет. Выбора не было.

И полетел... Не знаю, на что я рассчитывал. Может, во мне было слишком много водки в тот момент. Или злости. Не знаю. Но я не рассчитал, высота оказалась намного больше, чем могли выдержать мои ноги.

Иногда сейчас я вспоминаю тот момент – и не помню самого момента полета. Помню только момент после приземления. Даже удара в памяти не осталось. Только удивление.

А потом пришла боль. На самом деле сломать ноги – это не так больно, как говорят. Особенно если кости не сместились. Больно, когда начинаешь потом двигаться.

Просто хрустнуло. Кррр. И все. И ты лежишь и не можешь пошевелить пальцами ног. Очень инопланетное ощущение. Твои пальцы больше не твои. И ноги не твои.

И так я лежал на лестничной клетке и ждал, когда до меня доберется очередной мудачок. Или та толстуха, если сообразит, куда я подевался.

Пистолеты лежали на ступеньках. «Макар» вот он, а дальше ТТ. Но с тем же успехом они могли быть в другом городе. Я не мог до них добраться.

Я перевернулся на живот, подтянул себя на локтях. Блин, угораздило же! Придурок. Я попробовал добраться до стены... Вот теперь боль была адской. Черт.

Выстрел, еще один. Короткая очередь. Со звяканьем покатались гильзы по ступенькам. Одна долетела и ударилась в мое бедро. Похоже, толстуху все-таки прикончили.

Тишина. Я боялся подать голос, чтобы не выдать себя. Может, толстуха еще ползет ко мне.

– Серый, ты живой там? – крикнули сверху. Я вздохнул. Это пацаны.

– Ага! Только я, по ходу, ноги сломал!

– Чего?

Раздались шаги. Вскоре ко мне по лестнице спустились Боря с Батыем. Увидев меня, Боря присвистнул. Батый подобрал мои пистолеты. Следом за пацанами спустился Юра Молдаванин.

– А где Киря? – спросил я. Не то чтобы я хотел его видеть... Но все-таки живой человек, пусть даже и убивший по глупости моего друга.

Боря промолчал и отвел глаза.

– Он застрелился, – сказал Юра спокойно. В следующий момент где-то выше прогремел отдаленный выстрел. Юра даже ухом не повел. Батый заморгал, открыл было рот...

– Теперь нас четверо, – сказал Боря. Батый закрыл рот.

– Поднимай его! – велел Боря. – Осторожно! Батый, ты самый здоровый. Понесешь Серого.

– Че я-то?! – Батый уже забыл, что хотел сказать.

– Стрелять ты все равно не умеешь. Не ссы, мы с Молдаванином тебя прикроем.

Батый почесал нос короткими волосатыми пальцами.

– Так че? Я его на себе теперь буду таскать?

– Ниче, не переломишься, – жестко сказал Боря. – Ты вон какой здоровый и красивый. Отдай ему ствол, а сам берись.

Батый обиженно засопел. Меня посадили ему на спину, зафиксировали ремнем. Батый выпрямился, с легкостью встал. Вообще незаметно, что он с грузом. Это не человек, это молдавский танк. Даже не танк, а «ураган», который ядерные ракеты таскает. Юра подобрал мои пистолеты, отдал мне «макаровы». Поехали.

Теперь мы спускались по пожарной лестнице. На одном из витков я сбился и перестал считать. Кажется, это был одиннадцатый этаж. Или десятый? Иногда я задремывал на мгновение. Иногда боль пронзала меня так, что я сжимал зубы, чтобы не кричать. Это был спуск в ад, воистину.

Еще несколько раз Боре и Молдаванину приходилось стрелять в мудачков. А в какой-то момент Юра открыл дверь и забросил туда гранату. Мы стремглав помчались вниз по лестнице, а затем грохнул взрыв. Стены дрогнули, а в ушах еще долго звенело.

И вот мы оказались на первом этаже. Вернее, на цокольном. Я видел знакомые очертания колонн... Боря с Юрой пошли вперед. Чем дальше, тем меньше мне нравился Боря. Иногда он застывал на некоторое время, словно терял нить и не помнил, где находится. Выглядел он все хуже. Я посмотрел на его руку. Может, тот мудачок, что получил по зубам от Бори, заразил его? Думать так было страшно, поэтому я отогнал эту мысль. Просто Боря устал, как и все мы. И только Батый казался двужильным.

Свет опять заморгал. Мы пошли по коридору – к холлу гостиницы. Вокруг сувенирные лавки. Матрешки, какие-то камни. Юра разбил стекло прикладом «калаша» и вытащил из витрины сувенирной лавки длинный металлический фонарь на батарейках, включил пару раз на пробу. Затем вручил мне. Выбрал фонарь для себя. Протянул третий фонарь Боре, но тот покачал головой. Выглядел он жутко, словно держался из последних сил.

– Будешь маяком, если что, – сказал мне Молдаванин. Я взял фонарь. Маяком – это всегда пожалуйста.

Впереди опять мелькали фигуры. Похоже, здесь мертвецов больше, чем на этажах. Может, они все сюда потихоньку спускаются... В ту же секунду свет погас. Блин!

Темный коридор. И кто-то идет к нам из темноты. Кивая и утробно рыча от голода.

И тут я вспомнил про «ураган» и прапорщика Севцова. А это мысль... хотя и дурацкая. Я приготовил фонарь.

– Ходу, Батый, ходу! – зашептал я ему в ухо. – Жми вперед!

– Я не вижу ни черта! – огрызнулся Батый. Эх, взять бы тебя, дружок, за твои розовые уши-лепешки... И приложить упрямой головой об стену. Только разве что стена пострадает. Голова-то чугунная или даже каменная.

– Ничего, зато я вижу. Вперед!!

Раз, два, три... Мудачок пер нам навстречу. В последний момент я врубил фонарь. Как фары «урагана».

Мертвяк дернулся, свернул и врубился с разгону в какую-то свою внутреннюю Монголию. В смысле, в стену.

Мы проскочили.

– Привет Пржевальскому! – я взмахнул фонарем. Бум! Удар тяжеленным фонарем расколол череп мертвеца.

Мертвец ударился в стену и начал сползать. Готов.

Батый пер вперед, как советский ядерный щит на техобслуживание. Молодец, хороший тягач. Я снова выключил фонарь. И затем снова включил – следующий мертвец, ослепленный, промахнулся мимо нас с Батыем.

– Левее, – приказал я. – Поднажми, дорогой!

Справа вдруг загрохотал «калаш», слева выстрелил дробовик. В темноте я видел только вспышки выстрелов. Снова заговорил «калаш». В следующий раз я не успел включить фонарь – и Батый просто снес муляж с дороги. И даже, кажется, не заметил этого. Хорошо быть Кинг-Конгом.

И вот мы выскочили на улицу. На асфальте, на камнях пандуса я увидел красные отсветы. Задрал голову.

Пылал верхний этаж «Космоса». Кто-то из мертвецов добрался до огня, видимо. Вот и наши «точилы».

* * *

Я бы хотел сказать, что дальше все было гладко и удачно. Но против фактов не попрешь. Наши машины так и стояли у входа в гостиницу. Все на месте. Я достал ключ из кармана ветровки. Патроны для «макара» со звоном рассыпались, черт побери. Я протянул ключ Батью.

Батый открыл дверь и посадил меня в машину, на водительское место. Затем положил мой «макар» на пассажирское сиденье.

– Куда ты меня? – сказал я. – Садись сам за руль!

– Я не умею, – сказал Батый. Тьфу ты, чертovsky вольные борцы. Все у них не по-человечески. А я-то как буду машину вести?! У меня ноги сломаны, блин. Батый обошел машину с другой стороны, собрался сесть. Но вдруг повернулся и пошел обратно. Что такое?

Перед машиной стоял диверсант. Он смотрел на меня, не отрываясь. У меня вдруг занемел затылок...

– Боря! – крикнул я. – Отойди с дороги!

Боря кивнул.

– Боря!

Боря еще раз кивнул. Потом еще. И тут я понял.

– Боря?

Бывший диверсант стоял перед машиной, весь в отсветах пожара, и кивал.

Это больше был не Боря.

Драгоценный дробовик «бенелли» выпал из его руки на асфальт. Зараза все-таки добралась до сердца и мозга Бори. Диверсант медленно опустился на колени, словно пьяный. К нему подошел Батый.

– Боря? – спросил Батый. – Ты чего? Помочь?

Боря, стоя на четвереньках, поднял голову. И молдавский вольный борец шарахнулся назад. Мертвые, налитые злобой глаза диверсанта смотрели на него. Батый развернулся и побежал к машине... Боря одним прыжком настиг его, сбил с ног. Батый покатился и врезался в серебристую «точилу» диверсанта. Батый попытался встать, но у него подкосились колени. Нокаут, похоже. Батый упал и больше не двигался.

Бывший диверсант подбежал к нему на четвереньках, словно гигантская гиена. Кажется, сейчас он вцепится в Батыея зубами...

– Нет! – крикнул я. – Стой, сука!

– Боря, – сказал Молдаванин. – Остановись.

* * *

– Боря, – повторил Молдаванин спокойно. «Калаш» он держал как-то по-особенному, прикладом вверх. – Это я, Молдаванин. Помнишь меня?

Боря стоял на четвереньках над Батьем, оскалившись. Огромный, мертвым он словно стал еще больше, чем при жизни.

Никогда не видел такого огромного человека (или зверя). И такого страшного.

– Боря, спокойно, – Молдаванин сделал шаг к бывшему диверсанту. Боря зарычал. Слюна капала с его изуродованного гримасой рта. – Это я.

Я потянулся к пистолету, что оставил мне Батый. Ч-черт. Не достать. Я вытянул руку насколько мог и почти дотянулся кончиками пальцев. И столкнул «макара», тот соскользнул с обшивки кресла и упал за сиденье пассажира. Млять! Я поднял взгляд. Боря все стоял на четвереньках, словно дикий зверь.

В следующий момент Боря прыгнул. Быстрый, сука, просто невероятно.

Но какой бы быстрый ни был Боря, Молдаванин оказался еще шустрее. Грохот «калаша».

Борю сняло в верхней точке и отбросило назад.

Боря приземлился. Но Юры на прежнем месте уже не было. Он оказался дальше по улице, метров на пять. Он пятился, отстреливая патроны по два-три выстрела. Боря рычал, дергался.

Но не падал. Даже когда пули попадали ему в голову.

Боря развернулся и прыгнул. В этот раз Молдаванин увернулся, но не до конца. Они сшиблись и покатались по земле. Юра ударил стволом «калаша» Борю в лицо. Глаз Бори лопнул и вытек. Юра размахнулся – и тут Боря рывком опрокинул его на землю и навис сверху.

Ноги мои, ноги. Я руками передвинул правую ногу на педаль, застонал сквозь зубы. Вспышка боли едва не заставила меня потерять сознание. Я аккуратно повернул ключ, молясь, чтобы двигатель заработал бесшумно и плавно. Немцы не подвели, «бумер» завелся тихо и мгновенно.

Я взялся за руль, ладони были потные. У меня будет всего одна попытка...

Я снял машину с ручника. «Бумер» на ручной коробке. Сначала мне придется выжать сцепление, а затем газ. Сломанными ногами. Ну, колени-то у меня двигаются!

Давай, Серый. Ты можешь. Ради Длинного. Ради рассвета над морем. Ради Ленки... сейчас она уже на восьмом месяце, скоро рожать.

Я выжал сцепление. Плавно вдавил газ – боль была такая, что на мгновение я потерял сознание. В следующее мгновение я плавно отпустил сцепление... и добавил газ.

Двигатель взревел. «Бумер» рванулся вперед, меня едва не выбросило из кресла, и ударил ребристой мордой в Борю. БУМ! Крак! Я едва успел дернуть ручник, чтобы не задавить Юру. Машину занесло боком, я заглушил двигатель, тормозя движком. «Бумер» остановился.

Бывший диверсант от удара отлетел на несколько метров, покатался по асфальту. И замер. Неужели все?

Молдаванин встал. Затем посмотрел на меня, отвернулся и, прихрамывая, пошел к телу Бори. Он опирался на «калаш», как на костыль.

Боря начал вставать. Удар «бумера», видимо, сломал ему позвоночник. Боря поднялся на руках и пополз к Юре. Невероятная машина для убийства.

Юра поднял «калаш» и выстрелил.

Долгое мгновение я думал, что Боря бессмертен и неубиваем. И сейчас он разорвет Юру на части, а затем доберется до нас с Батыем... Юра выстрелил еще несколько раз. Затем бросил автомат на землю.

Боря был мертв. Окончательно.

Прощай, бригада.

* * *

Батый сел на водительское сиденье. Крепкий все-таки у борцов череп, это да. Я сидел рядом. Где Молдаванин? Ехать пора. Может, он умеет водить машину? Наверняка ведь умеет.

– Юра живой? – спросил я. Молдаванин стоял ко мне спиной и смотрел на огонь.

– Живой, – ответил он.

Молдаванин повернулся. Пламя пожара освещало его лицо. Курносый, совсем не опасный с виду. Простой рязанский парень.

– Юра, – сказал я. – Валим отсюда! Ты машину умеешь водить?

– Я остаюсь.

– Юра, блин, что за херня?! Быстрее в машину!

Молдаванин улыбнулся. И тут я все понял.

– Юра, тебя укусили?

– Вечно ты, Серый, какую-то фигню придумашь.

Я жжал зубы. Эх, Юра, Юра. Теперь я видел, что плечо у Молдаванина разорвано, левая рука висит, как плеть. Значит, Боря все-таки дотянулся зубами... и заражение неизбежно...

– Что передать твоим?

На мгновение лицо Молдаванина дрогнуло. Затем опять стало невозмутимым.

– Поезжай к своей жене, Серый. Выживи и будь рядом. Просто так это не закончится.

Когда мы уезжали, пылали уже верхние пять этажей гостиницы. Из вестибюля брели унылые мертвецы, а Молдаванин аккуратно отстреливал их из «бенелли». Думаю, он оставил для себя последний патрон. Юра умеет считать выстрелы.

– Батый, выжми сцепление, – скомандовал я. Придется еще поработать инструктором. – Теперь чуть добавь газу и плавно отпускай. Поехали. Руль держи мягче...

«Бумер» развернулся и с грохотом съехал по пандусу, вильнул. Я закусил губу. Больно звездац как. Словно концы костей трутся друг об друга. Но ничего. Дома меня соберут по частям и склеят, как было.

Я знаю.

Когда выезжали на шоссе, мимо нас с воем промчались две пожарные машины. Надеюсь, у ребят под рукой топоры...

Батый включил вторую скорость, затем третью. Почти без хруста коробки. Ладно, может, и выйдет из него водила. Я нажал кнопку на магнитоле.

– Голуби летят над нашей зоной... Голубям нигде преграды нет... – надрывно запел кассетник.

Да уж, без блатной песни никуда. Мы ж все-таки в бригаде. Хотя мысль правильная. Мне надо домой, в Севастополь. К Ленке. К морю. Тогда и с ногами все будет в порядке. И с мудачками справимся – рано или поздно.

– Куда сейчас? – спросил Батый.

– В аэропорт. Шереметьево. Может, самолеты еще летают. Поможешь мне добраться до самолета? А там поезжай куда хочешь, машина теперь твоя. Домой поедешь?

Батый кивнул.

– Слушай, Батый, – спросил я. – А почему ты русских не любишь?

– Кто тебе сказал? – удивился борец. «Бумер» вильнул на дороге, выровнялся. Хорошая точила, пятерка, по ровной дороге как линкор прет.

– Держи ровнее, – посоветовал я. – А все-таки?

Мы мчались по шоссе, мимо сталинских домов. Слева пролетела в черном небе подсвеченная огнями Останкинская башня.

– Просто я их не понимаю, – ответил Батый.

– Почему их? Я же тоже русский.

– Да? – искренне удивился Батый. – А я думал, ты цыган.

Тьфу, черт. Поговорили.

– Правда, цыган я тоже не особо люблю...

– Следи за дорогой, болтун.

«Бумер» летел, освещая асфальт мощными фарами. Люблю ездить ночью. Печка гудит. Тепло и тихо. Я откинулся на сиденье. Все будет хорошо. Я знаю. Дорога мерно гудела под днищем машины.

– Голуби летят над нашей зоной... – пело радио. – Голубям нигде преграды нет... Ах, как мне хотелось с голубями... На родную землю улететь...

И это правда.

Алексей Штейн Жизнь в наследство

Дежурить на Южном КПП было скучно. Поневоле с теплом вспоминалась разухабистая атмосфера на Седьмом форту. Оно понятно, что в государственные интересы наша вольница никак не вписывалась, да я и сам первый был за этот разгон... Но все же там было как-то... атмосферно. Собирались там самые настоящие «лихие люди» – и вовсе не разбойники... не только разбойники. Не совсем только разбойники. Да и то сказать – ну зачем сейчас душегубствовать и грех на душу брать, и проблемы на хвост вешать? А что проблемы будут нештучные и нынешнее безлюдье не спасет, – Горсовет уже доказал. Дураков не осталось... почти. А хочешь лихость проявить – иди, тебя ждут голодные толпы бывших сограждан. Разной степени разложения или морфированности. Питер под боком, четыре миллиона зомбаков ждут своей пули в голову. Ну, впрочем, уже не четыре, а меньше. Нашими стараниями в том числе.

Однако теперь эти лихие, кому спокойно жить и работать скучно, таскаются по городу, вызывая нездоровый интерес патрулей... Даже нас дергали пару раз на разборки – и один раз получилось совсем нехорошо: решив, что «по старой дружбе» мы ничего не сделаем, ребята продолжили быковать, а когда поняли, что мы не на их стороне – схватились за пушки. Ну, и пришлось недолго думая пристрелить. Витек по сих пор вспоминает, как своему корешу полмагазина в грудь засадил... Говорят, Горсовет подумывает организовать им новую «территорию вне закона», Дикий Запад и все такое. Петропавловка от такого счастья отказалась и даже пригрозила ликвидировать гнездо разврата, буде такое рядом возникнет. Вроде как говорили про Крестовский остров, да и то больше слухи. По мне лично, так лучше бы попросту пристроить к делу кого можно, а остальных утилизировать. Впрочем, Горсовету виднее. Потому они там и наверху, что умные. Ни за что не полез бы я командовать и руководить, ну его на хер. Отвечать за все, прежде всего перед собой. Мне после командования группой погибшие ребята до сих пор снятся. Осенью, еще когда не перетасили нас с форта, сразу после разгона «Легиона», когда из лояльных формировали милицейские дружины, мне Борисыч предлагал на командира отделения сразу, «а там посмотрим, подучишься – и командиром взвода». Отказался я сразу, резко и решительно. Ну уж нет, сами командуйте и все решайте. И отвечайте за это. А я не хочу. Мне своего хватает. У меня дом, семья, хозяйство... потомство намечается. Да еще Дарья после бандитов совсем сдвинулась на безопасности. И ее эта идея с фортом... Одно меня пока спасает от необходимости реально начинать реализацию безумного замысла – лед все не встанет крепкий, декабрь не пойми какой в этом году...

Перескочил мыслями на дом, и настроение совсем как-то упало. Вспомнил, как прощались. Что на нее нашло-то? В первый раз, что ли, на дежурство? Ну, обещал уволиться, благо дело добровольное, да и все меньше нужна милиция – полицейские порядок держат, армейцы давно зачистили всех бандитов и тоже сократились, и с радостью полиции помогают, «чтобы форму не терять». Грандиозные планы по зачистке зимой города урезали по причине обыденной нехватки транспорта, да и не нужны там особо стрелки, там все проще и скучнее оказалось. Ну договорились же, после Нового года подам рапорт... Нет, вот эти слезы, обнимания... Я слышал, что на баб беременность воздействует, но все равно как-то... И вслед смотрела, на крыльце стоя, до самого поворота ее видел... Опоздал, конечно, ничего страшного, кому мы тут нужны теперь, но все равно. Не люблю опаздывать.

Хотя, конечно, и сам виноват – не привык еще, что на Южный ехать. Это кронштадтским хорошо – особенно кто электромобильками обзавелся. Да тем, кто в Лисьем, – троллейбус вот-вот протянут, вообще халява будет. А у меня и горючка за свой счет, и пробег... Зато, конечно, и дом свой, и какой – хоромы! Были. Теперь все или на капремонт, или все же как Дарья придумала, с ее паранойей вовсе сменить место жительства... Ладно, хорошо хоть, не сожгли

дом, как баню. Даром что кирпичный. А что пулями все побитое – ну так утеплились мы все одно хорошо, и, может, еще и лучше, чем было, а так... только что напоминает. По мне, так отремонтировали бы летом, да и жить дальше, но если ей в башку что втемяшится... Если не врут, то электроснабжение и к нам протянуть могут, даром что всего-то чуть и надо, на птицефабрику-то когда еще подали. Впрочем, там-то понятно: морфокуры – довольно неприятные соседи, да и даже урезанное производство – это жизненно значимый объект. То-то кронштадтские сразу пригребли... Даже как-то в глубине души радостно, что ломоносовскую фабрику не спасли, а то, глядишь, там бы сосновоборцы обосновались. Хотя нет. Эти куркули ленивые. Обрадовались своему счастью, сели на ЛАЭС и торгуются. Торговались. Пока зима не подошла. А после «навала», когда зомбаки по первому холоду ломанулись, то и вовсе сникли. Еще немного пыжаты, да недолго осталось, по всему. Сожрет их Крон, к бабке не ходи. Да и люди там все больше и больше ворчат – в Кроне жизнь налаживают, а там все еще «выживают», с питанием по карточкам и сплошным беспросветным тунейдством... Даром что выжило много, в разы больше, чем в других местах, ибо специфика города такая, а едут оттуда в Крон по первой возможности. Недолго осталось «атомной республике», недолго...

* * *

В караулке послышался шум – по привычке протянул руку за автоматом. Хотя здесь никаких бандитских налетов уже не бывает, но все же – служба. Как тоннель открыли, так мы, можно сказать, тут на переднем крае. И поток в Крон временами огромный – с перешейка по дамбе много кто ехал, и в порт – морем, через Кольцевую в объезд города добираться тоже мало желающих было. А тут весь юг области получил возможность доехать относительно быстро. Потому скапливалось прилично машин по выходным, да после первых холодов наплыв «беженцев» был. По зиме, конечно, меньше, но все же бдим. И контроль серьезный, все-таки тоннель – сооружение такое... мало ли что и как. На том берегу уже и отстойник, и фильтраж... Все собираются сюда вынести, но, как всегда, нет времени и ресурсов. Как Рамбов осенью эвакуировали, так с тех пор и остаются только обещания – некому работать.

Сирена боевой тревоги мигом выбросила лишние мысли. Схватив автомат и проверяя на бегу амуницию, следом за парнями выбегаю на двор. Тормозя с разбегу о траверс у выхода из бункера, мы поочередно отскакиваем в обе стороны, рассыпаясь по позициям. Примостив в бойнице уже снятый с предохранителя автомат, наблюдаю недоумевающих проверяемых – семейная пара у грузовика в шлюзе грамотно подняла руки и не двигается, изумленно тарачится стоящий в очереди на шлюз фермер на «дутике» – четырехколесном пердикакере на пневматиках низкого давления, на Ржевке такие уже промышленно клепать начали, по зиме самое то – а летом разве по болоту хорошо, но защиты-то никакой, и так едва двух человек с полуцентнером груза тянет... Беру сразу на прицел какую-то навороченную тачилу, последнюю в очереди. Сегодня немного въезжающих, до темноты пару часов, все, кто хотел, с утра приехали. В тачиле какие-то укурки, судя по мельтешению, хотят сдернуть подальше от непняток. Музыка из их колымаги аж сюда слышна, и наверняка кумар там стоит – мама не горюй. В Горсовете битвы насчет необходимости запретить всякую дурь давно идут, но пока на такие мелочи просто сил не хватает. В общем, раз тревога – если эти ребята попробуют сдернуть, то полмагазина только от меня им обеспечено. Ибо не хрен. Не знаю, что случилось, но любой, кто дернется, огребет. Укурки, похоже, сообразили, и суета в тачке прекратилась, водила даже через стекло руки показывает – мол, стоим, боимся. Вот это правильно. Долго жить будешь...

Секунды тянутся, слышно, как скрипит на крыше в своем гнезде турель, с которой наконец скинули брезент. Ох, въе...ть бы Кастро, нашему пулеметчику, это его забота, чтобы все было смазано и не скрипело... Еще десять секунд тишина, ничего вообще, и это напрягает все сильнее. Вот сейчас точно лучше никому не дергаться и даже не дышать... Ну что за черт?!

Сзади слышен топот – но не оборачиваюсь, по расписанию есть кому контролировать и выход во двор. Тут же слышу мат Борисыча, который, не стесняясь, орет на старшего дежурного звена. И только потом объявляет отбой. Кажется, сейчас кого-то будут бить...

* * *

Бить никого не стали. Борисыч, в компании какого-то мента, сухо приказал завершить проверку, зажечь красный сигнал на мачте (издалека видно, что въезд закрыт и соваться следует только в целях самоубийства, ибо стреляют не глядя) и собраться всем составом в зоне проверки. Исключение – пулеметчики и снайпер, они остаются на местах и слушают оттуда. Что-то они нам рассказать хотят? Быстро проверяем грузовик, потом фермера – там и проверить нечего, закупаться приехал, растаманов Борисыч завернул сразу, сказав, что не пропустит, и вообще советовал несколько дней в Крон носу не казать. А то и пропасть можно. Растаманы вняли и унеслись на всей возможной скорости, виляя лысыми покрывками по нечищеному накату. Все, готово... А на хрена Борисыч приказывает поставить «боевой» шлагбаум? Из той серии, что и танком не пробить (а скорее учитывая укрепленные на нем заряды, наоборот даже)? Интересные дела – переглянулся с Витьком, – тот нервно теребит свою бывалую финку. Опустил глаза – я тоже непроизвольно мацаю через карман тэтэшник. Симптомчики нехорошие, жопа чует приключения. Не иначестряслось что-то в городе серьезное, если КПП закрывают так... Но почему только Борисыч? Где усиление от армейцев? Или все совсем плохо? Строимся неровно – в конце концов, строевщины в милиции нет, что бесит и армейцев, и ментов... но пока нас не расформировали, эту вольность мы себе выторговали. И даже такую немислимую у армейских наглость, как нестройно вопрошать: «Ну что там? Борисыч, не тяни, не на плацу!» – и прочую ерунду. Оглядев нас, Борисыч поднимает чуть ладонь, чтобы, мол, заткнулись, и выдыхает одно только слово:

– Война.

* * *

– Ситуация в целом проста и понятна, – ментовский капитан вызывал какую-то неприязнь прежде всего своим ухоженным видом. Особенно когда, скинув ушанку, поправил прическу – довольно длинную, а не под ноль, как у большинства сейчас – даже бабы стригутся коротко, кто живет на выселках. Ибо гигиена и тому подобное. А у этого еще и шевелюра не выглядит растрепанной или немытой... городской! И форма ладно сидит, и вообще... Но, с другой стороны, нас тут построили не мнение о нем составлять. Наши западные «друзья» после истории с Нарвской электростанцией остались без энергии. А в Кохтла-Ярве у них немалый анклав... Ну, по их меркам – немалый. Замерзнуть им, конечно, не дали... Но соседушки оборзели... Точнее, сначала оборзело наше «Энергетическое Сверхдержало», а уж потом...

– Александр, давай покороче, некогда, – прерывает его Борисыч.

– Да, в общем, сейчас неважно... Дело такое... братцы. – Мы с Витьком кисло переглянулись – если такой пижон к нам в родственники набивается – дело швах... – Под Нарвой стоит лагерем их колонна. Типа, пришла ГЭС отбивать... После их про...ба никуда техника не ушла. А не так давно пришла еще техника. РСЗО, самоходные минометы и даже ЗРК. БМП и БТР и так там до черта по нынешним меркам... хорошо хоть, танков у них никогда и не было. Кто еще не понял: оттуда несколько часов рывком через мертвый Кингисепп, и они выходят на ЛАЭС.

– Там же у них охрана! – не выдерживает кто-то из наших, кажется, старший смены. Капитан морщится, но отвечает:

– Там действительно есть и охрана и техники... чуть. Против такой колонны не сдюжат. Сосновоборские сами так довели, чтоб наших там не стояло. Все «аннексии» опасались. Так

что про них речи нет, да и вообще... если техника прорвется до АЭС... В общем, не должна она туда прорваться. Это и обсуждать глупо. Тем более есть мнение, что если техника захватит станцию, то и подкрепления пойдут к ним. В общем, техника не должна дойти до ЛАЭС.

– Так и че? – влез Витек. – С нас-то че?

– С вас... – Борисыч вздохнул. – В городе жопа с войсками. Как всегда. Если коротко – то не успеть собрать что-то серьезное. По... данным, к утру их колонна будет в Сосняке. Ночью выдвинутся – и утром там. У нас есть ночь, но за ночь едва успеют собрать бронегруппу. Вся же техника на консерве, большинство в Каменке. Подушечник после аварии под Выборгом все еще чинят. Вертолетчики свои машины тоже не расконсервируют так быстро. Короче, не успеваем. Есть один вертолет да обычный транспорт. Штук пять по городу соберем бэтээров, которым на глаза эстонским бээмпэшкам лучше не показываться. Ну по частникам по мобилизации что-то соберем... В общем, формируется передовая группа. Надо соседушек подтормозить. Сколько выйдем?

– Сразу скажу – шансов выжить мало, – вмешивается мент. – Потому только добровольцы. Остальные как по контракту, остаются прикрывать блокпосты, и в бой, только если сюда дойдут соседи. А в группу только добровольцы. Агитировать времени нет. Кто согласен – шаг вперед. Остальные – оборонять КПП по красному режиму, усиление из милиции будет через три часа, как соберут.

– Итак, кто желает стать добровольцем – шаг вперед! – подвел итог Борисыч.

* * *

– Какого дьявола ты-то полез? – чуть не орал на меня Борисыч. – Тебе, что ли, больше всех надо?!

– А че такое-то, Борисыч? Вон на Витька ори, он тоже вызвался, и этот, Гринпис...

– Почему «гринпис»? – запнулся Борисыч.

– Зеленый потому что, жрать нельзя, пока не созреет. Че ты на меня вызверился?

– А в самом деле, что не так? – подошел какой-то немолодой армеец, майор по погонам. – Что с парнем не так? Или шибко семейный?

– А что, семейных не берут? – Витек фиксой скалится. – Все, Саня! Нивазмут! Останешься на капэпэ штаны проперживать!

– А вы, уважаемый, так уж рветесь? – не обращая внимания на хамство Витька, спрашивает военный. – Там, вообще-то, не курорт...

– Та не пугай, дядя! – откровенно уже хамит Витек. – Чай, не первый раз, поди в Ропше поинтереснее было!

– Были в Ропше? – заинтересованно смотрит на хамло майор. – А, пожалуй что, я вас припоминаю. Вы, если не путаю, с котом приехали?

Витек мнется, отводя глаза. Была у него привычка на зачистке котейку кидать в опасные места – зомбаки на кошек хорошо реагируют, да и кошки на них тоже. У Витька даже погоняло новое появилось в «Легионе» – Кацап. Точнее, Cat's Up. Правда, как «Легион» разогнали и кликуха его пропала, тем более что практически в то же время ввели закон о защите полезных животных – то есть тех, что не зомбируются. Котов в том числе. И потому Витьковы фокусы с котейками сразу стали чреватые. А майор продолжает:

– Там еще был какой-то товарищ больной, он, как я помню, самоподорвался с вражеским броневиком. И еще один был...

– Так это я и был! – влезаю в разговор. Отчего-то то, что Борисыч меня решил отсеять или как-то иначе отговорить, действует как красная тряпка на тореадора. Наверное, это и есть те самые приступы неадекватности, про которые Дашка все твердит... вот же, гады, со своим интернетом – что бы понужнее восстановить, так они это! Нет, я понимаю, что полезно и даже

самолечение иногда очень нужно – чтоб врачей не дергать на мелочи, но иногда бесит... – Я там тоже был, между прочим, старшим группы. Так что не вижу, отчего бы и сейчас нам вместе не прогуляться.

– Ага! Точно! – тут же принимает мою сторону Витек. – Как в Ропше, дайооошь мина-меты! Гыгы!

– Миномет я вам не дам, – совершенно спокойно прерывает ржач Витька майор. – И вовсе не разделяю оптимизма. Я руковожу операцией и не буду скрывать – для многих это билет в один конец. А для передовой группы почти наверняка.

* * *

В помещении повисла тишина. Три десятка с бору по ниточке – военные, милиция, полиция, несколько охотников да гражданских двое, видать, из резерва. Оно и понятно: как-то вот сейчас жить все хотят – это раз. И второе – на самом деле нету лишних людей. Как только выяснили, что при минусовой температуре зомбаки замерзают и абсолютно беспомощны, а потому безопасны, начался просто бум работ во всех областях. В Питере на работах постоянно сейчас едва не треть всего трудового потенциала Кронштадта – и в Петропавловке и Лавре, и на Ржевке народ из Крона вахтует, и еще возникают стихийные временные лагеря – опасаются теперь разве что оттепели, а пока мороз, всем лафа. В подвалы и метро только лучше не соваться, а все остальное, промерзшее, безопасно полностью. Вот и идет демонтаж или консервация того, что может пригодиться или нужно сохранить, а что-то и вовсе чинят – прежде всего электрики сеть восстанавливают да дороги все расчищают. Поначалу бросились зомбаков мерзлых зачищать, да потом опаматовались – искать их долго и сложно, да и немного таких неудачников, – основная масса в метро и подвалы забила. Плюнули на это дело и, пока холода, ринулись все на восстановление народного хозяйства. И то рук не хватает, постоянно всячески увлекают и агитируют, по области ездят, набирают народ. И какая уж тут армия... Вот и прокололись, похоже.

– А что, тарьцмайор, – спросил я военного, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, больно уж тоскливое молчание вышло. – Вы думаете, мы вот этим количеством в принципе остановим гадов? Жидковато как-то...

– Мне приказано не остановить, а лишь задержать их колонну, – холодно бросает майор – Задержать любой ценой. Потому здесь только добровольцы. Остальные будут сражаться тоже, но тут по сути смертники. Кого ситуация не устраивает – выход вон там. И никто никогда не посмеет по этому поводу что-то сказать – и я тоже, так как я в бой тоже не иду. Идете вы. Кто передумал – не поздно отказаться.

Отказавшихся не было. Все, по-моему, смотрели себе под ноги, а я вот еще думал: а мне оно на кой хрен надо? Да и... если в самом деле край (что оно край – я не верю все одно... выкручусь, конечно), как-то неудобно получится. Что я Дашке скажу? Ну, то есть не я, но что ей... То есть что скажут – понятно, а вот... Ну, в общем, она же расстроится. Точнее, наверное даже сильно расстроится. Нехорошо как-то. Я же ей обещал. А если на самом деле край? И больше не увижу ее? Грустно как-то, вообще-то... Не, стремно, но все равно не верю я, что пропаду. Поднял голову и посмотрел на майора:

– Так я не понял, чем я-то не устраиваю передовую группу? Что семейный? А почему?

– Компенсацию, поди, платить не хотят, – усмехнулся желчного вида старикашка, один из гражданских. – Ведь положено, а если некому передать, то весь прибыток государству!

– Вы не совсем правы, – отвечает ему майор. – Хотя и не без этого. Но в принципе семейного дома ждуть, он должен семью поднимать, а кто один...

– Как перст! – выпятил грудь Витек. – Нет, баб-то много...

– А что за компенсация? – перебил я его. – Много отвалят семье, если что?

– Немного! – сердито ответил Борисыч. – Подкинем что-то по малости. Нету у нас лишнего много. Транспорт, оружие... Жилье... не знаю! Может быть. Если в городе. В Лисьем почти наверняка.

– И пожизненная пенсия семейным, – твердо говорит майор. Пожизненная пенсия – это хорошо. Это есть гут. Это сейчас редко и просто так не дают. Это не деньги или ништяки, это всего лишь означает, что тебе государство не даст сдохнуть с голоду и холоду. Всегда найдет тебе место и миску похлебки. Всегда. Без ограничений. По нынешним временам это ой как немало... А компенсации, конечно, жиденькие стали – это не золотое времечко работы на «Легион»... Ну, хорошо хоть, тогда успел что-то притащить... Жаль, во время налета нам машину сожгли, гады. Но пенсия семье – это ништяк...

– Годидзе! Очень даже. Пишите меня в передовую группу, товарищ майор. Сапер из меня неважный, но с гранатомета стрелять умею, вы сказали – это нужно.

– И меня! – шагает вперед Витек. – Бля буду, за энтим же присмотреть надо, молодой, горячий – а я человек в годах, жизнью битый, – он ненароком словно демонстрирует всем расписанные синевой кисти. – Мы с ним на пару эту чухну знатно попишем...

– Так... Двое есть... еще четверо в передовую – есть желающие? Гранатометчики, сапер хотя бы один нужен...

* * *

Вышли трое, потом еще один. Желчный старикан, заявив, что он сапер, наш Гринпис вылез... по ухам ему, что ли, дать? Еще двое военных. Осмотрев нас, майор кивнул и велел остальным идти на двор принимать вооружение. А мы остались.

– Итак, бойцы. Расклад прост и незамысловат, как секс в деревне. – Майор раскинул на столе карту. – За Нарвой их лагерь, и там началось шевеление. Причем, гады, даже самолет наш едва не сбили – как в Империалистическую, перестреливались с их самолетиком из пистолетов, пилоты... Хорошо хоть, авиации у них, по ходу, другой нет. В общем, скрыть им не удалось подготовку – и то хлеб. Но и медлить они не станут. О ситуации у нас они хорошо осведомлены, у нас же «свободный въезд», развели либерастию, понимаешь... Ну да не о том сейчас. Вот Нарва. После наших морфов мертвее некуда. Но соваться туда смысла нет: почти наверняка в Ивангороде их секреты есть. Да и им там близко совсем. Потому план такой: тормознуть их в Кингисеппе. До Кинга им одна дорога, по Луге севернее мостов уже нет, им не пройти – техника, конечно, вездеходная, но вероятность всяких эксцессов велика. Да и техника у них так себе в плане проходимости. Финские сараи еще ничего, а шведские БМП не шедевр. Особенно если они обратно броню прицепят – так-то ее на склады снимали, дополнительные панели. Правда, с этими панелями и пушкой нашей БМП не возмешь их. На то рассчитаны. И гранатомет не всякий. Но если с такой броней – точно без дорог не пройдут. Короче, вас бросаем вертухой с кучей мотлаха в Кинг. Там вы сделаете все, чтобы эти уроды потеряли как можно больше времени. Стоять насмерть не приказываю. Город мертвый насквозь, уйти теоретически можно. Практически же... Вы, большинство, не очень представляете себе, что такое рота бронетехники и пехота в атаке. Там пусть и эстонские, но армейцы. А еще у них РСЗО и минометы есть. И зенитка. ЗРК их хорошо бы приглубить... Но задачу такую не ставлю – малореально. В общем, разобьетесь на двойки – одна двойка вперед, с «Агленями», сколько сможете утащить. Занимает позицию в застройке в Новопятницкой – и молотит по колонне, едва достать можно. Не старайтесь попасть, лишь бы эти гады стали разворачиваться для боя. Пуганете, сколько сможете, и отходите. Если получится...

– Ну, это мы с Саней мигом, – толкнул меня в бок Витек. – Точно?

– А то, – буркнул я.

– Хорошо. Далее. Вторая двойка минировать мост. Там три моста, считая железку, но в городе мосты забиты – танк не пройдет. Точнее, танк пройдет и даже БМП, но долго. А им главное – время. Потому пять против одного – они рванут в обход города на трассу. Благо там свободно. Сложность в том, что мост рвать нельзя. Все же... такой теперь не построишь. Да и не надо этого, а то развернутся и в обход как-то рванут. Василий Григорьевич, ты уж постарайся, Тэ-Эм восемьдесят третьих тебе наскребли, сколько нашлось – оприходуй сколько сможешь гадов. Если выйдет на мосту, так чтобы затор создать...

– Не выйдет! – рубанул старикан, – Если там хоть немного не деревянные болваны – не выйдет! Негде на мосту маскировать мину или фугас! А там народу по всяким Иракам помогавшихся хватает, влет срисуют! Там лучше вон тех, что ты выгнал, – с «сапогом» и ракетами!

– Не выйдет ничего, Василий Григорьевич. Снесут тот сапог с первого выстрела, а от ПТУРов у них защита может быть, да и птурщиков у нас нет толковых, меня не пускают... Приедут, но не успеть уже толком, счет на часы пошел. Думали, что двинут они поутру, а похоже, в ночь. Так что постарайся. Не на мосту, так около. Лишь бы подтормозить. Пока вы там их тормозите – автомашинами кинем еще ребят в засады по дороге. Жаль, в темноте вертушкой рискованно, вас бы успеть добросить. А дальше к Воронке уже заслоны с Каменки подойдут. Ну и если зенитки не будет – вертушка наша, и еще одна с Высоцка. Да ополчение в Сосняк поперет прямо сейчас, только у них противотанкового почти ничего, с «коктейлями» разве. А это несерьезно. Только если вовсе край. Так что постарайся.

– Да понял я! – махнул рукой старикан.

– Так, третья двойка – ты и ты! – прямо ткнул в Гринписа и военного помоложе майор. – Берете шестнадцатый РПГ и гранат до дури. И у перекрестка, где к городу и в обход дорога, займите позицию подальше за домами и лупите в белый свет, как колонна покажется. Чтобы в город соваться и не думали. Если сунутся – отходите, толку от шестнашки мало по их броне, если только БТР зацепить сможете. Всем все ясно? Тогда выходите к машине. Через четверть часа обещали вертушку приготовить, а арсенал вам уже туда подвезем. Мать бы его так, говорил же я им, чтобы ми-восьмой оставили, так нет же – этот, мол, экономичнее и ресурс больше... А так едва тонну тянет...

* * *

– Значит, так, пехота, – летун в этом гражданского вида вертолете был один, усатый дядька в кожанке совершенно затертого вида, со здоровенной деревянной кобурой на боку – ни дать ни взять революционный комиссар. – Не бзди, долетим нормально! В полете сидеть тихо, если будем падать – не дергаться! Помочь не сможете и сами не спасетесь – а мне помешать сможете. Потому сидеть и срать, а помирать молча! Высажу вас на перекрестке, вытряхнитесь быстро. Никакого облета делать не стану, до Нарвы там больше пятнадцати камэ, заметить не должны. А если они уже вышли и нас заметят – то их ЗРК нас завалит на раз. Вертолет-то и я – хрен с нами. Но вас приказано на геройскую гибель довести любой ценой. Потому на бреющем пройдем прямо на место и там плюхнемся – хоть под огнем выгружайтесь. Всем все ясно? Тогда держитесь!

* * *

Может, этот майор специально так все придумал? После полета в сумерках на вертолете с сумасшедшим Мак-Кряком за штурвалом об опасности, исходящей от эстонских броневиков, как-то уже почти не думалось. Из этой проклятой стрекозы мы в прямом смысле вытряхнулись как мусор из мешка – с одним желанием поскорее уже встать на твердую землю и никогда больше не летать. Вертушка еще не успела толком взлететь, а Гринпис уже сблеванул на

снег. Мерзейший свистящий рокот быстро удалился, и мы остались наконец в полной тишине. Тишина была мертвейшая, в полном смысле слова. Живых на километры вокруг нет, а мертвые все замерзли. От этой тишины морозец в каких-то пять градусов словно стал сильнее. Жутковато, уж на что мы у себя в лесу привыкли, а и там Первوماй слышно из-за горизонта...

– Ну че, начальник, – оскалился Витек Василию Григорьевичу, назначенному формально старшим группы (на случай непредвиденного только, так-то у каждого своя задача). – Командуй, штоле, фельдмаршал! А то вон молодежь от страха харч метать вздумала!

– Я не... Меня с детства укачивало! – возмутился Гринпис. – Я в норме!

– Да я вижу, зеленый и снаружи стал! Ты присмотри за ним, ваенный, а то в детсаду его заругают!

– Вы б унялись, – парировал молодой вояка. – Я понимаю – страшно, нервы...

– Че? Это мне-то страшно?! Ха, да я...

– Заткнулись! – гаркнул вдруг пожилой вояка. – Григорыч, не греми!

– А? – недоуменно повернулся наш «командир».

– Хера! – рывкнул вояка. – Тихо всем!

* * *

Мы недоуменно притихли. Сначала ничего не происходило. Но спустя несколько секунд мы все хорошо различили, пусть и на пределе слышимости, рокот дизельных моторов.

– Это что? Уже? – недоуменно воззрился на вояку Василий Григорьевич. – А как же?.. У нас же... Что делать?

– Срать кирпичами, чтоб бежалось легче! – рывкнул вояка и, обернувшись к нам, добавил: – Чего встали? Бегом!

– К-куда? – вылупился Гринпис.

– На муда! Ты приказ забыл? – оскалился военный.

– Так! Прекратить истерику! – вспомнил о своем командирстве Василий Григорьевич. – Концепция меняется, мы всрались. Встречать будем здесь. Вы, как и говорили, вперед, вы – к городу, недалеко. А мы прямо тут начнем. Лесок вокруг способствует. И радиостанцию распакуй, как начнется, выходи на связь, все нашим обскажешь. Не раньше. Двинули!

* * *

Смотанные скотчем по четыре штуки одноразовые гранаты оттянули обе руки, пока бежали. Еще две гранаты на ремнях за спиной, грохают друг о друга, автомат на груди, пара подсумков... Хорошо хоть, бронежилет не стал брать, а то сдох бы давно. На бегу я считал – пятнадцать километров, скорость шестьдесят (не знаю, может столько танк по дороге дать или только «по паспорту», но пусть будет шестьдесят) километров в минуту. Пятнадцать минут. А нам еще позицию занять. И хоть немного отдышаться – а то ведь никуда и попасть не выйдет. Бежать нам километра полтора, по карте если судить – там какая-то хрень, бывшая уже – авто-сервис, чи шо, напротив поворота на кладбище... Смешно – и далеко тащить не надо будет. Хотя, конечно, не смешно. Никто и не потащит. Мимо кладбища там как раз дорога в сторону моста, на машине на мост не проехать, а вот техникой военной – запросто... Это хреново. Если мы начнем, как планировалось, сразу – то они туда свернут, если вообще сразу так не пойдут. Не должны бы, там же дорога не пойми какая, и неезженная – снегу почти по колено, а тут все же ровное шоссе, снег накатан. Ну а если пойдут? Тогда вся наша засада на перекрестке – мимо. Плохо. Надо что-то придумать. Разговаривать на бегу нельзя, но мы уже и не бежим, а имитируем бег. И выхода другого нет.

- Вить-ка! – выдыхаю, припадая поочередно на каждую из ног – это типа бег такой получается, смешно, зомби и то изящнее передвигаются, особенно шустрики.
- Че-те? – так же выдыхает в ответ Витек.
- Кар-ту пом-нишь?
- Ну? Да стой ты! Хрен с ним, не успеем, так тут сдохнем, какая на хер разница! Говори! – сгибаясь, дышит и отплеывается он.
- Там впереди дорога... в обход... тьфу, с-сука!
- Ну? И че?
- Если они там сразу пойдут... то минеры наши в пролете... расстроятся...
- Ах-ха! И Гринпис не повоюет! Хах!
- Отож! Ты рубишь! Надо... один туда в лесок или на кладбище... если что... хоть как-то... Второй тут...
- Я понял... Кто?
- Давай ты в лес. Только. Это.
- Чо?
- Давай так – в первые не бей.
- Чо так?
- Да толку... Не успеем же ничего сделать. Я видел, как БМП воюет.
- И?
- Да хоть задних пощипать. Как они там говорят – зенитка? Наверное, отличим ракетницу-то? Да эти... ракетные тоже, как их...
- А тема! А они если вперед ломанут?
- Живы будем.
- А если нет?
- Того и надо.
- Идет! Че стоишь, побежали!

* * *

Совсем темно, но это наплевать. Витек ушел направо – занимать позицию на кладбище, – естественно, с шуточками. А я начал обустраиваться в сгоревших развалинах. Жаль перекрытия обвалились, с первого этажа совсем несподручно будет. Подумал: а если они пойдут все же к городу? Совсем же в упор, сколько мне выстрелов сделать дадут? Два, три? А потом? Пробежал – проверил, среди скелетов горелых дальнобоев наметил проход к дальнему зданию, по пути положил вторую связку гранат, заранее подняв прицелы на всех четырех. А дальше как пойдет. Там какое-то кирпичное здание торчит, и даже негорелое, хотя и без окон. Внутри вполне могут быть мертвяки – они сползались даже в такие дома, но бояться их незачем. Если пожара не будет, конечно. А его, сдастся, не будет: здание, по-моему, просто недострой – фонариком издалека толком не видно, бежать смотреть уже некогда. Рычание дизелей в звенящей тишине слышно уже вполне отчетливо, хотя и не сказать, чтобы близко. И приближаются небыстро. Я, пожалуй, насчет шестидесяти в час переоценил. И никакого юмора про эстонцев – дорога нечищена, хоть и накатана немного, мы пока бежали и то едва не падали. А тяжелой технике, наверное, и вовсе разогнаться сложно. Ладно, примерно я себе план «войны» наметил: отстрелять первые четыре в упор в хвост колонны, потом бежать ко второй связке – не глядя между домами отбить, и далее ныкаться в кирпичку недостроенную, а там смотреть – может, и дальше рвать, отстреляв последние две трубы. А если к Витьку пойдут... То тут уж судьба. Хватать связку – и бегом, чтобы хоть как-то успеть на дистанцию выйти. Если не пристрелят. По идее от перекрестка до той дороги метров двести пятьдесят – предел по дальности для гранат. И вряд ли я куда попаду... Но ближе не подойти все равно – чистое поле. И

так-то уйти, отстреляв, шансов мало. Витьку до «моей» дороги и вовсе триста метров – придется ближе подбираться. Хорошо бы выбежать вперед да заранее глянуть, куда свернут, да, во-первых, могу и обратно не успеть, а во-вторых, нас майор строго предупредил, что всяких тепловизоров у этих гадов полно. А это такая паскудная дрянь, особенно зимой да ночью... Причем касательно зомбей, они совершенно бесполезны, а вот против морфов помогают, те теплокровные вполне, пусть и умеют в спячку впадать тоже. Ну и против людей весьма хорошо. В общем, делать нечего, сидеть и не рыпаться. А это я уже умею. И Витек даром что шебутной, а по своей старой профессии тоже, когда надо, часами ждать может. Еще раз проверил связку гранат, стоящую у простенка, присел на грудку мусора у стенки. Ждать, больше ничего не остается...

* * *

Кто разрабатывал соседям операцию, я не знаю, но он все же решил двинуть колонну по шоссе. Скорее всего, кто-то катался тут для разведки и оценил заснеженные и обледенелые склоны насыпи у моста не лучшим маршрутом даже для военной техники. Что колонна идет «ко мне», а не к Витьку, я понял по свету фар. Не стали, выходит, заморачиваться с ночниками. С другой стороны, оно и понятно – не до того уже, а терять технику из-за какой-то глупой аварии... Это, впрочем, не значит, что нет там тепловизоров – этой дряни засветки не страшны... Примостив поудобнее на груди автомат, перевалил осторожно себе на руки увесистую связку гранат, примерился, как бы побыстрее выстрелить все их. Рокот дизелей уже был оглушающим в здешней тишине, и даже вибрация пошла по грунту. Сердце начало увеличивать ритм, в щеках и ладонях кольнуло – попер адреналин, нормально все, дело будет... Как я ни ждал, а первый броневик показался неожиданно. Совсем не так быстро, как мне казалось, хотя и не сказать, что полз – километров тридцать давал. Проскочил – и увидел я уже только его удаляющуюся корму. Высовываться было попросту страшно: если это разведка, то точно с тепловизорами... вообще-то они могут иногда и через стены высмотреть засаду, но только если б я тут часа два просидел. А так хрен там. Однако все одно страшно. Вот пошел второй броневик... нет, БМП – на гусеницах, квадратная, маленькая угловатая башня с тонкой пушкой. За ней, почти сразу, с совсем небольшим промежутком – вторая, за ней третья... все, поперлась колонна! С включенными фарами идут, а первая-то бронемашина в темноте шла. Пора на позицию, благо десанта ни на одной машине нету. Ну, оно и понятно: пятьдесят километров на броне зимой ночью ехать – нет дураков. А из-под брони они меня вряд ли успеют и приборами заметить, чай, это уже не разведка. Сколько уже прошло? Меньше десяти, точно... Пора? Едва выглянув, сразу увеличив себе угол обзора, вижу гораздо больше – вот еще две бээмпэшки, а за ними какие-то огромные, похожие на автобусы, бэтээры на трех осях. Ждать зенитку? Или пес с ними? А чего торопиться – ведь идут прямо куда надо. Витьку и стрелять не придется. Или наши там не успеют? Да ладно, мы тут почти полчаса валандались, а они если никуда бегать не будут, то поставят все, у них там мин штук восемь всего, да пехотные какие-то. Должны успеть. Опа, а вот и она! Точно, если это не зенитка, то я отдам кому-нибудь свой паек! Пааанеслась, родная!

Я вскинул связку гранат, примостив ее на бывший подоконник. Вот так, за спиной места хватит, глуханет, конечно, но ничего. Забор у дороги повален, ничего делать не надо – тут едва пятьдесят метров, просто нажать на спуск...

Сдвоенно грохнули гранаты, уши сразу как ватой забило, из-за спины выметнуло пыль, сажу и снег. Но я даже не обратил внимания. Наплевать. Главное – я попал! На борту несущей машины с какой-то этажеркой сверху расцвел двойной вспышкой взрыв, не особенно и серьезно смотрящийся на фоне высокого бронекорпуса. Но это уже наплевать, я сейчас добавлю! Пока переворачивал связку – машина, как-то резко замедлившись, остановилась, а

потом вдруг в ее средней части вылез робкий язычок пламени. От это да! До оно ж горит! Додумать мысль я не успел – шедший следом за подбитой машиной БТР, едва не воткнувшись в уже буквально на глазах разгорающуюся зенитку, спрятался за нее и затормозил. А следующий с ходу открыл огонь в мою сторону. К счастью, только лишь в сторону, и всего-то из крупняка. Впрочем, если у них так, как на восьмидесятках все, то и с крупняка с ходу толку не будет. Но медлить некогда, жажнув уже даже не глядя на результат в его сторону последние две гранаты из связки, я рванул из развалин.

Бегом-бегом-бегом, на хер из этого рая... Петляя как заяц, уже под грохот пары крупняков, разносивших, похоже, на кирпичи развалины, доскакал до остова сгоревшей фуры, где оставил вторую связку. Подхватил ее, развернулся, осматриваясь.

Однако, судя по фарам и крикам, получилось! Колонна остановилась, по крайней мере ее хвост, и разворачивается к бою. Это хорошо. То есть для меня лично это плохо, а в целом хорошо. Но ждать не надо, надо побольше шума... или попробовать повоевать уже? Как-то неприятно поразил высунувшийся слева в бывший двор бронетранспортер. Нагло, с включенными фарами, уверенно так. Ах ты ж, сука! Дистанция вполне-вполне – нннна! И вторую! Есть! РПГ, конечно, та еще шняга, но на сто метров промахнуться по такому сараю сложно. Словно в ответ мне вдоль борта задымившего густо бэтэра засверкали звездочки очередей, и тут же запел рикошетами металл вокруг. Отскочил за соседнюю сгоревшую кабину и уже не глядя высадил в сторону дороги остальные две гранаты, тут же бросив пустые стволы в снег. Все, ходу-ходу-ходу!

...А неплохо ведь получилось! Я как-то и не думал, что смогу вот так поджечь БТР! А оно даже как-то просто вышло. А у меня еще две гранаты! Ну, гады, я вам еще покажу... Скинув с шеи автомат, пристроился на новом месте – БТР разгорелся и чуть-чуть подсвечивал местность, правда, колышущееся пламя каждую тень превращало в ложную мишень. Да только эти парни мне сами помогли – зимний камуфляж, пусть и в черных пятнах, отлично выделялся на фоне черных скелетов горелых машин. Даром что присыпаны снегом, а для фона достаточно. Вот так, снизу слева прицел, и короткая, на три патрона – есть! А вот и еще, не успеешь! Минус два, сменить место, теперь не сверху рамы, а чуть в сторону и из-под машины, ага, есть цель! Не иначе как пулемет – то-то... башит длинными, что кабина вся гудит от попаданий. Стреляй-стреляй, ты ж не туда, куда надо, а куда тебе проще целиться... вот так, короткая и еще одна – кушай, не обляпайся! И бежать, бежать на карачках на фиг, на следующий рубеж, по пути магазин сменить...

Все, автосвалка кончилась, и похоже, рубеж у меня последний – кучи стройматериала... как только никто не позарился – видать, далековато. Вот тут между двух поддонов со шлакоблоками – отличное место. Все, тут «принимаю бой» – и в домик... А там уже посмотрим. Две гранаты отстрелять – и рвануть на отход? Так дальше местность – голяк, пристрелят... А в доме сидеть – с гарантией пристрелят. С другой-то стороны, приказ какой? Задержать. А если они будут тут стоять, пока меня гребят... нет, могут, конечно, оставить кого-то, но если немного оставят, то еще посмотрим...

Ага, некогда думать, вот они! Ты посмотри на них, как же, стандарт НАТО, тактическая подготовка. Бегут почти в полный рост, на полусогнутых, пушки у плеча чернеют... Отличные ростовые мишени. Короткая, еще... Идиоты как есть – ну толку, что ты на колено присел? Н-нна, как был мишень, так и есть... И ты такой же? Ай, сука! Все ж попал почти, крошка от шлакоблока резанула по щеке... не зря все же каску надел, хоть она и пластиковая и толком ни от чего не спасет – а вот от такого дерьма как раз. И ведь, сучара, почти нашупал меня быстро. Но не попал, а мишень изображает прилежно, и потому – н-нна! Готов, еще один остался... Ага, ты типа умный, залег? Ну и лежи, а мне пора... Я в домик.

В доме пришлось осмотреться. Нет, увы – подвал не катит. Окон мало и не туда, да и не могу контролировать вход – не вариант. И темно совсем – глаза хоть и привыкли, но в подвале

придется фонарь включить, а после этого ничего не увижу вовсе. На первый этаж, вот так, тут окна как надо, и стены толстые... Ох, мать его! Справа через частный сектор прет БМП! А как раз в ту сторону ну никак отсюда – стена за спиной близко, контузит отдачей. Придется на второй, хотя стремно, но некогда думать, это вам не шахматы. На втором этаже и стены-то не доведены до верха, тут раздолье, и поскорее – гранаты с шеи, обе. Одну рядом, вторую на взвод... так, тут метров сто с лишним, да я чуть сверху... а, пес его поймет, главное, не забыть «зимним» прицелом целиться... Ну, н-нна! Мать его, мимо?! Низковато взял... Вторую, скорее...

Выстрелить я не успел. С БМП загрохотала пушка – и я, полуослепнув и оглохнув в полсекунды, буквально откатился за недостроенную перегородку. Его ж мать, никогда бы не подумал, что их смешная пушка так может... Граната осталась где-то там, хорошо хоть, автомат при мне. Тут же подумалось: а что ты им против брони сделаешь? БМП дала еще очередь, сверху посыпались обломки кирпичей и крошка. Надо, по ходу, линять, иначе крышка. Проблема в том, что лестница-временка как раз на той стороне. За перегородкой. Как крыса, выглянув на секунду из-за стены, увидел лишь облако пыли и изгрызенные стены. Надо решаться, но теперь подожду – если сразу еще очередь не даст, больше, наверное, не станет, а в этой пыли меня хрен увидят.

Дождался я совсем другого – в стороне дороги раздался довольно громкий выстрел и знакомый уже скрип-вой. Миномет, так его мать. Плохо, миномет хорош, только когда он за тебя воюет... Грохнуло взрывом в стороне. Это солидно, это не восемьдесят два, это все сто двадцать. Ну да ничего. Если и край, то уже не стыдно. Если меня у...барят аж сто двадцать – значит, не совсем уж лох последний... Но ждать такого финала не дело – пора и вниз. Вот в таком раскладе подвал – самое оно. В пару секунд на карачках метнулся к лестнице, но наткнулся на куски кирпичных стен, размолоченных бээмпэшкой, и завозился, переползая. Переполз и уже успел поставить ногу на шаткую ступеньку лестницы, как за спиной что-то оглушительно лопнуло, меня кинуло вперед, грудью на край люка, и свет погас.

* * *

Боль была какая-то очень сильная и оттого уже переносилась легко. Ни кричать, ни стонать сил эта боль не оставляла. Боль разлилась по всей спине, словно меня жгли паяльной лампой. Но страшно было не от этого. И даже не от того, что ноги не болели. Точнее говоря, они вообще не чувствовались, хотя наверняка им должно быть не менее больно. Страшнее всего было то, что я вообще не мог пошевелиться. Меня по грудь засыпало битым кирпичом, досками и черт еще знает чем. Каска с головы куда-то исчезла – наверное, это ремешком так ободрало подбородок и щеку. И даже руками не пошевелить – я попробовал, но кроме усилившейся боли иного результата не было. Хреново, автомат неясно где, да и до тэтэшника мне теперь не добраться. Сделал еще одну попытку, дернулся изо всех сил – и отключился от нахлынувшей боли...

* * *

– Э, живой, что ли? – вырвал меня из блаженного беспамятства чужой голос. Картинка перед глазами плыла, долго не желая фокусироваться. Да лучше бы и не фокусировалась вовсе...

Приплыли. В темноте на фоне припорошенных пылью обломков домика чернела фигура в незнакомой униформе. Черный комбез, берцы, непривычный шлем. Разгрузка с подсумками, на плече короткий автомат. Эмблема на рукаве, в темноте толком не видно.

– Живой, спрашиваю?

- Ты... кто?
- Смерть твоя, русский, – спокойно так отвечает, гад. И по-русски говорит без акцента практически. Жаль, сука, что у меня даже гранаты нет, да и была бы – не дотянуться.
- Пошел ты...
- Быстро помереть хочешь?
- Х...ха, – сплюнул я нехорошо: кровящи полон рот, это плохо...
- Давай, русский, говори быстро – сколько вас тут всего было и какие задачи, и так далее. Скажешь – умрешь. Сразу.
- А если не скажу? – я запрокинул голову, напоследок посмотрев в небо. – Допрашивать станешь? А успеешь?
- Надо больно, – с явным превосходством отвечает, ну что ж, имеет все основания. – Тебе же хуже. Нас вы все равно не остановите. По тем, кто на перекресте был, тоже отработали. Пришлось пакет выпустить, но зато наверняка в кашу. А кто в город отошел, те уже не сунутся. И второго дурака на кладбище уже раскатали. Так что все равно зря вы тут подошли.
- Да пошел бы ты... Тебя там твои уже ждут, наверное. Ехать пора. Вот и ехай.
- Ну и дурак. Ведь так бы сразу помер, я б честно – в башку.
- Ехай-ехай. В плен попадешь – нашим от меня приветы передавай... может, пожалеют тебя, не сразу расстреляют.
- Ах ты ж, сука! – выругался тот, хватаясь за оружие. Ну, давай, давай уже, болит же так, что сил нет терпеть...

Черный вдруг засмеялся, поправил на плече автомат и, насвистывая какой-то мотивчик, пружинисто пошагал по развалинам...

* * *

Закончилось все, конечно же, хорошо. Наши, как и положено, победили. Колонну, изрядно пощипанную в Кингисеппе, еще дважды огорчали засады по дороге (выживших среди засадников было ровно два человека). А когда, про... бав все графики и сроки, умывшаяся кровью эстонская колонна, под утро уже, вышла к Керново, на рубеже реки Воронки, их, как и их предшественников в сорок первом, встретили успевшие наспех окопаться ополченцы. Иллюзий у эстонцев уже не оставалось, но и отступать они не хотели. Неприятным сюрпризом для них оказались вовсе не ПТУРы, расчеты которых эстонцы быстро уничтожили огнем пушек БМП. Самое скверное, что у защитников оказалась пара двадцатимиллиметровых минометов и управляемые мины «Грань». Против такого оружия их тяжелобронированные БМП оказались бессильны, да и самоходные минометы быстро были русскими приведены к молчанию. А окончательно исход боя решил подошедший русский танк, с ходу начавший творить беспредел в рядах незваных гостей. Танк эстонцы все же сожгли управляемыми ракетами, но к тому времени было ясно, что жалким остаткам их бронегруппы даже через жидкую оборону ополченцев не пройти. А то, что танк у русских явно не один и остальные на подходе, они тоже понимали. Оставалось одно – отходить. Но, поскольку и вторая самоходная зенитная установка сгорела в бою, далеко уйти им не позволили сразу два боевых вертолета. Оставшиеся в живых сдались в плен.

Почти сразу же «сдалась в плен» Кронштадту и «Сосновоборская Народная Республика»: под давлением вышедших на митинг горожан руководство «республики» торжественно объявило о решении воссоединиться – и тут же ушло в отставку. В Кронштадте, впрочем, тоже произошли немалые перемены и в верхах, да и во всей жизни...

А Дашка в январе родила мальчика (пенсию, кстати, оформили только на нее – ведь ребенок родился позже, ага). Дела и заботы закурили ее, и тем не менее в погоне за срочно

потребной для текущих нужд бронетехникой, хоть бы и битой-горелой, в начале марта она оказалась на месте боя передовой группы с эстонской бронеколонной.

И даже...

...Впрочем, как принято говорить, «это уже совсем другая история».

Тим Волков

Та, что умирает последней

– Людоеды!

Кандида обдало могильным холодом, он вскинул автомат. С трудом поборол желание дать длинную очередь в темноту, чтобы настигнуть эту чертову неизвестность свинцом; взял себя в руки, начал озираться, напряженно всматриваясь в черные коридоры. В коридорах никого не было. Пусто.

– Пожирание людьми себе подобных именуется каннибализмом. Но каннибалами их неправильно будет считать. Они же не совсем люди, ведь так? Они звери. А как называют зверей, которые едят людей? Правильно, людоеды! – Философ шмыгнув простуженным носом, продолжил свои внезапные рассуждения: – Так что прозовем их так. Людоеды. А зомби – это уже выдумки Голливуда. Первоначально ведь зомби откуда пошли? Есть такой культ вуду...

Кандид выругался. Опустил ствол автомата в пол, рывкнул на спутника:

– Заткнись!

Задетая локтем облезлая штукатурка посыпалась со стены. Кандид вновь напрягся, заскрипел зубами.

– Лучше смотри по сторонам. И будь осторожнее.

Философ придвинул обратно к глазам съехавшие на нос очки, посмотрел на Кандида, не с обидой, но с видом человека, наблюдающего за потешными обезьянами в клетке зоопарка. Тонкие бледные пальцы, словно и нет там костей, одни хрящи, длинные как щупальца, извлекли из наружного кармана платок и промокнули лоб. Философ хмыкнул, отвернулся. Шумно, с присвистом высморкался.

«Придурак! – подумал Кандид, глядя, как спутник косолапо ступает по битому кирпичу. – Ей-богу, прирежу когда-нибудь засранца! И глазом не моргну! Выпрашивает ведь, поганец».

Шли вторые сутки. Отдыхали урывками, в основном не больше часа, ютились на крышах гаражей, ларьков, в дома заходить боялись – однажды едва не угодили в одной пятиэтажке в самое гнездо нечисти, еле ноги унесли. Вторые сутки пути. Как в тумане. Устали до крайней степени. Нервы натянуты, на любой шорох – паника, ноги гудят, глаза болят, мерещится всякое. А тут еще этот Философ со своими рассуждениями дурацкими. Говорить он может долго, очень долго, но в основном невпопад и не в нужной ситуации, и вот ведь что интересно – эта способность никак не влияет на его усталость. Наоборот, придает сил. А силы других пропорционально уменьшает, ибо выслушать всю эту белиберду терпения нужен вагон и маленькая тележка.

– Засранец! – не выдержал Кандид.

– Что ты сказал? – обернулся тот, подслеповато шурясь.

– Здесь, говорю, остановимся. Хватит ходить. Нормальное место.

Философ долго мялся, прежде чем снять рюкзак. Все не нравилось ему окно, из которого, как он полагал, могут ползть людоеды.

– Второй этаж, не полезут, – устало ответил Кандид, закрывая дверь и подпирая ее громоздким старым шкафом. – А если не нравится, то можешь...

Даже договорить не было сил. Кандид неопределенно отмахнулся рукой, давая понять, что ему до беспокойств Философа нет никакого дела, бухнулся на сетчатую кровать, скрипучую как его душа, и заснул в тот же миг таким крепким сном, что хоть стаканы о него бей.

Философ помялся еще немного, больше для порядка, и тоже лег, что-то бубня себе под нос.

Снилось разное. И горячие румяные пирожки с картошкой, и танцующие вальс мертвецы, и самовар, который сам себя раздувает сапогом, почему-то зеленым, с двумя черными полосками на боку, и еще черт знает что, какое обычно снится усталому человеку, который даже во сне не может до конца расслабиться.

Проснулись от шорохов.

За дверью кто-то стоял. Дыхание неизвестного, тяжелое, шумное, словно его легкие забиты соломой, сон прогнало быстро. Кандид показал знаками Философу, чтобы тот не шевелился. Сам аккуратно взял автомат, приставленный к спинке кровати, снял с предохранителя.

– Может, пронесет? – шепнул Философ, глядя из-под очков круглыми как у филина глазами.

«Кровавым поносом тебя пронесет, гад! Что ж ты никак не уймешься?!» – заскрипел зубами Кандид. Показал спутнику кулак.

Но смысла в этом уже не было – их услышали. Дыхание за дверью усилилось, стало резче, незванный гость зарычал, начал пробивать себе путь к еде. Философ пискнул, свалился с кровати, кинулся лихорадочно искать свой автомат, который зачем-то запрятал в самый дальний угол комнаты.

Кандид, наоборот, панике не поддался. Встал, мельком глянул в окно. Никого. Значит, все не так уж и плохо. Возможно, одиночка заявился. Бывают и такие. Возможно...

К первому дыханию добавилось второе, более хрипкое, надсадное. Потом третье. Четвертое...

– Что делать, Кандид, а? Что делать-то?! – Философ наконец нашел оружие, вцепился в него двумя руками.

– Не дрейфь, очкарик! Будем отбиваться. По деревьям умеешь лазить?

– Я?! – дал петуха Философ. – Конечно, нет!

Бледные обвислые щеки затряслись, Кандид не сразу понял, смеется попутчик или плачет. Кажется, и то и другое одновременно.

– Тогда придется научиться. Все, отставить разговоры! Оружие к бою готовь.

Шкаф заскрипел, начал заваливаться. Из прорех сразу же показались черные руки, пытающиеся ухватить добычу. Снаружи зарычали голодные мертвецы, затолклись между собой. Хрустнула балка, в щель между заграждением и косяком высунулась перекошенная голова, вся в лохмотьях кожи и запекшихся кровавых коростах. Щелкнули челюсти, пахло тухлятиной.

К этому невозможно привыкнуть. Живые мертвецы. Живые-мать-их-мертвецы! И не просто так живые, а желающие сожрать тебя, вцепиться зубами в шею и рвать, рвать, рвать.

Первым не выдержал Философ. Дуло автомата прочертило полукруг, срезая очередью конечности зомбакам. Те даже и не подумали отступить. На место поврежденных рук тут же высунулись новые, с утроенной прытью пытаясь добраться до людей.

«Пятеро, – отметил Кандид. – Шансы есть. Если, конечно, где-нибудь дальше, в коридорах этой проклятой бетонной коробки, не спрятались еще с десятка два людоедов».

Шкаф не выдержал напора, рассыпался на куски. В дверной проем хлынули черные тени. Философ дал вторую очередь – пули распорили мертвецам животы, не причинив особого вреда. Зато скупые одиночные выстрелы Кандида попали точно в цель. У первого зомбака голова с хрустом разлетелась в стороны, второму разорвало шею.

Первая волна оживших покойников легла у порога, загородив остальным дорогу, не давая ринуться в новую атаку. Заминкой воспользовался Кандид. Третьего мертвяка усмирил прямо в дверях, разможив прикладом голову.

Четвертый оказался проворнее, воспользовавшись свалкой на пороге. В один прыжок он оказался почти у самого носа Философа. Мощным ударом выбил у того из рук оружие, зарычал и вцепился костлявыми пальцами в горло очкарика, уже, видимо, предвкушая знатный пир.

Философ толстый, им троих зомбаков можно накормить. Но он человек, хоть и дерьмо. А людей беречь надо, в нынешнее-то время даже таких.

Шлеп!

Приклад угодил мертвецу в висок, пробил кость, увяз в склизкой темной массе нутра головы. Стрелять Кандид побоялся. Слишком близко толстяк, можно задеть.

Шлеп!

Контрольный удар с сухим хрустом превратил голову немертвого в черное месиво.

Теперь разобраться с пятым. А кстати, где он?

Кандид обернулся. В дверях вместе с последним увидел еще – сколько? – раз, два, три, четыре, пять, шесть... а дальше и не видно – темно. Много. До черноты в глазах много.

– Бежим! – крикнул Философу.

Тот, еще не отойдя от встречи с покойником, стоял оторопев.

Кандид схватил его за шкирку, поволок к окну.

– Прыгай!

– Чего?! Я... не...

– Давай, убогий! Второй этаж, ничего с тобой не случится.

– Я...

Кандид наподдал спутнику ногой, едва ли не силой вытолкнул в окно. Тот с криком выпрыгнул, застонал. И пока хлынувшая в комнату волна оскаленных зубов и костлявых рук не захлестнула и его, сиганул в окно следом.

Земля встретила неласково, об асфальт отбило руки и ноги, но обошлось без переломов, а это уже хорошо.

Философ, опомнившись, вцепился в Кандида и начал тормозить, яростно, почти крича:

– Надо уходить! Скорее! Надо уходить!

Кандид поднялся, уже собрался идти, как в пыльной мгле подъезда что-то увидел. Непонятный силуэт. Может, тень от обломка двери? Да нет же, человек! Походка не такая, как у оживших мертвецов – те ходят рвано, шатаясь из стороны в сторону, словно позабыв, как это делается. А тут обычный шаг, почти прогулочный, как у всех нормальных людей. И еще... кажется, силуэт женский.

– Ну, чего ты замер? Пойдем же! Скорее! Они сейчас за нами в погоню пойдут! – поторопил толстяк.

– Там есть кто-то. Живой человек.

– Где? Да показалось тебе! Пойдем! Скорее!

– Нет, постой. Надо проверить.

– Да нас же сожрут!

Держа оружие наготове, припадая на левую ногу, Кандид не спеша направился к девушке.

– Эй, вы в порядке? Не ранены? Мы не зомби.

Рисковать тоже не хотелось. Может, все же мертвяк? А может, сумасшедшая и сейчас как начнет палить без разбора? Такие тоже встречаются. Кто ее знает. Но проверить обязательно надо. Потому что... да хотя бы потому, что она живая. В мире так мало живых осталось!

– Я знаю, что вы не зомби, – тонкий женский голос, почти детский. – Я видела вас.

– В доме мертвецы, надо уходить, и чем скорее, тем лучше.

– Мне они не страшны, – в голосе послышались насмешливые нотки.

Оглянувшись на рычащих из окна мертвяков, Кандид сделал еще три шага вперед, наконец смог разглядеть странную незнакомку: юная девушка, лет шестнадцати, не больше, джинсы, протертые на коленях до дыр, потрепанная майка, рюкзак за спиной.

– Смелая? Это хорошо, но мертвякам на это плевать, жрут всех. Идем с нами!

Девочка некоторое время раздумывала. Потом, поправив съехавшую лямку рюкзака, сказала:

– Хорошо, пошли. Мне уже, признаться, сильно тут наскучило. Отстойное место! А куда пойдём?

Кандид растерялся.

– Подальше отсюда! – ответил за него Философ. Махнул рукой: – Поторапливайтесь же! Они уже на лестничной площадке, скоро здесь будут.

Быстрым шагом миновали улицу, сильно рискуя, вышли на дорогу.

– А вы что же, без машины? – удивилась девочка.

– Без, – кивнул Кандид. Падение со второго этажа оказалось не таким уж удачным, левую щиколотку с каждым шагом прошивала острая боль, не давая нормально идти.

– Ступайте за мной, – сказала незнакомка, увлекая всех к стоящему у обочины старенькому пыльного цвета «фольксвагену».

– Ты умеешь водить? – с плохо скрываемым удивлением спросил Кандид.

– В отличие от вас умею, – язвительно ответила девочка, открывая двери. – Запрыгивайте.

Стерпев, чтобы не ответить что-нибудь этакое покрепче маленькой стерве, он сел в машину. Резон сдержаться есть, и очень сильный.

Под капотом, позвякивая, затарахтело, машина дернулась, медленно тронулась. Даже не сразу поверилось такой удаче. Не на своих двоих, как обычно, на автомобиле поехали!

– Куда путь держите? – спросила девочка, ловко управляясь с рулем и похрустывающей коробкой передач.

– На север, – неопределенно ответил тот.

Девочка не стала уточнять, лишь пожала плечами, мол, дело ваше.

– Меня, кстати, Кандидом кличут.

– Надя.

– Надежда, значит, – высунулся с заднего сиденья Философ. – А по отчеству как?

– Нет у меня отчества. Просто Надя.

– Как нет? – удивился тот. – У всех есть отчество.

– Не-а, – совсем по-кошачьи мяукнула она. – Отчество у тех, у кого отец есть. А у меня никого нету. И не было.

– Да что вы какую-то чепуху несете? – вытянулся в лице Философ, его нижняя губа оттопырилась вниз, начала подрагивать. – Как так не было? Абсолютно антинаучная чепуха!

Кандид хотел его заткнуть, да отвлекся на проплывающие за окном пейзажи. Сколько бы они шли пешком, скажем, вот до этого перекрестка, который сейчас пересекала машина? Часа два ковыляли бы. А на колесах расстояния сжимаются. А значит, и цель ближе.

– Примолкни, Философ, – осадил его Кандид. – А ты что тут делаешь, Надя?

Девочка пожала плечами.

– Просто хожу. А что еще делать?

Действительно, что еще делать в мертвом городе и в безжизненном мире? Или умирать, или гулять. Кандид не нашелся что ответить.

Некоторое время ехали молча. Наконец Кандид не вытерпел, начал разговор, который так не давал покоя все время с тех пор, как они сели в машину.

– Так, значит, ты просто, без цели бродишь?

– Ну да, – кивнула Надя, достала из бардачка пачку сигарет, закурила одну. Кандид удивленно повел бровью, но ничего не сказал. – А вы? Что на севере потеряли?

– У нас там... есть одно дело.

– «Свет» ищите? – в лоб спросила Надя, выдыхая клубы сизого дыма.

Кандид опешил.

– Откуда знаешь про «Свет»?

– Слышала сообщение по радио. У меня же в машине радио есть. Ехала однажды по трассе и включила, не знаю даже зачем, просто включила, наверное, чтобы тишину чем-то заполнить, слишком много тишины кругом стало, не могу переносить ее. Сначала обычные помехи были, какие бывают, когда приемник не настроен на нужную волну. А потом голос сквозь шум услышала.

Да, Кандид помнил его. Этот уставший, чуть дребезжащий голос, как глас самого господина бога, говорящий откровения, от которых у Кандида с каждым сказанным словом сердце начало биться все сильнее и сильнее, наполняясь теплотой.

«Не все умерли. Есть живые. Всем, кто меня слышит, сообщаю. В трех километрах от Землегорска военные организовали резервацию под названием «Свет». Незараженные люди, организованное питание, проживание, охрана. Там безопасно. Есть лаборатория. Ведутся исследования. Ученые на заключительной стадии разработки вакцины. Всем живым, всем, кто меня слышит, – идите туда, там вам окажут помощь. Передаю координаты и номера дорог, по которым можно добраться до «Света»...

– Оттуда и знаю, – прервала его воспоминания Надя.

– Верно, туда путь держим, – кивнул Кандид. – По этому поводу и к тебе предложение есть. Чего просто так бензин жечь, без дела мотаться? Поехали на север, в резервацию? По дороге мы будем за безопасность отвечать, а ты за движение. Услуга за услугу, все честно.

– А от кого ты собрался меня защищать? – искренне удивилась девочка.

– Как от кого?! От мертвецов, конечно!

– Ха! – Надя открыла окно, прицельным щелчком пальцев отправила окурок наружу. – Я их не боюсь, я же тебе говорила об этом. У меня иммунитет.

Кандид почесал затылок, вопросительно глянул на Философа. Тот пожал плечами, тоже не понимая, о чем идет речь. Иммунитет к чему? К мертвецам? Не бывает такого, они всех жрут без разбора.

– Что еще за иммунитет такой?

– Они не замечают меня. А может, и замечают, просто за свою принимают, наверное. Не знаю, как это действует, но меня они не трогают, просто проходят мимо. Как только началось это все, я обратила внимание на это странное их поведение. Всех жрут, а мимо меня проходят.

– Врешь! – не вытерпел Философ. – Докажи!

– Что мне, к зомбакам прыгать в пасть?

– А хоть бы и так!

– Философ, ты пыл поумерь, – холодно сказал Кандид. – Даже если у нее и в самом деле этот иммунитет, у нас-то нет его. Мимо нее пройдут, а нас не пропустят.

– Да врет она все! – обиделся Философ и отвернулся глядеть в окно.

– Ты не переживай, – попытался успокоить девочку Кандид, видя, как та начинает закипать. – Мы никому не скажем, это твое дело.

– Трое могут хранить секрет, если двое из них мертвы. – Надя улыбнулась такой «ангельской» улыбкой, что всем стало не по себе. – Конечно, никому не скажете. Кому говорить-то? Мертвы кругом все.

В затянувшейся тишине было слышно, как воет ветер за окном и натужно гудит мотор машины, иногда покашливая и чихая.

– Ладно, считайте, что уговорили, – наконец произнесла Надя, доставая из пачки очередную сигарету. – Хотя уговорщики из вас так себе. Так уж и быть, довезу вас до «Света», мне спешить некуда, а вы парни веселые, особенно пухлый.

– Я не пухлый! – возмущенно прошипел Философ, но девочка уже не слушала его, чиркнула зажигалкой, глубоко затянулась и, пуская кольца дыма по салону, начала мурлыкать под нос незамысловатый мотивчик.

Ближе к вечеру, когда мертвый город остался далеко позади, решили сделать остановку. Машина тормознула у придорожного магазинчика, давно заброшенного, но с еще целыми витринами. Путники вышли наружу, начали осматриваться.

– Здесь заночуем, – сказал Кандид, разминая затекшую спину. Боль в ноге стихла, осталась лишь гудящая усталость глубоко в мышцах, к которой давно уже привык за столько недель пути пешком.

– Почему здесь? – тут же откликнулся Философ, сморщив нос. – Воняет тут.

– Поблизости не видно мертвяков, само строение хоть и небольшое, но есть где укрыться. В машине резону спать нет.

Философ молча согласился. Зашли в магазин. Внутри пахло пылью и сыростью, в углах пищали мыши, а под потолком разместилась целая стайка летучих мышей. Пронзительным криком Философ их тут же выгнал прочь.

Беглое изучение коробок и витрин дало свои результаты – нашли пачку чая, пакет с макаронами, две вздувшиеся банки кильки. Кильку выкинули сразу, не рискуя открыть, а вот макароны решили сварить.

Развели костерок, приготовили нехитрый ужин. Без аппетита поели. Философ сразу ушел в уголок, обустроить себе кровать для ночевки, Кандид остался с Надеждой у костра.

– И давно ты одна ходишь? – спросил он просто так, чтобы как-то поддержать разговор.

– С самого начала, как *обрушилось Сияние*. – Надя достала сигарету, засунула в уголок губ.

– Не рано тебе папиросы смолить? – угрюмо поинтересовался мужчина.

Девочка процедила:

– Не рано, – и глянула исподлобья на собеседника таким волчьим взглядом, от которого стало не по себе. Глаза не ребенка, но старика, повидавшего многое. Слишком знакомый взгляд. Слишком. С первых дней, когда его родные заразились, он стал смотреть на мир так же.

Кандид с трудом сглотнул подступающий ком, заставив себя не думать об их смерти. Больше вопросов задавать не хотелось.

Надя взяла рюкзак, достала оттуда небольшой пакетик с белым порошком.

– Ты чего, еще и этой дрянью травишься?! – не вытерпел Кандид.

Надя не ответила. Отсыпала щепотку на ладонь и в два вдоха снюхала дурман. Кандид выругался.

– Травишь ведь себя! И в чем разница между ожившими мертвецами и тобой под этим делом?

Севшим как будто только после сна голосом девочка процедила:

– Да пошел ты! Это мое дело.

Кандид махнул рукой. Спорить не хотелось. Какая ему разница? Пусть что хочет, то и делает, лишь бы до «Света» довезла, а там...

Кандид нервно сглотнул.

Там ему нужно будет найти ученого, который работает над вакциной, и попросить поделиться. Не себе. Но тем, кто дороже всего на свете. Кандид найдет возможность достать вакцину. Любой способ, пусть даже самый жуткий. Неважно. В мертвом мире и правил нет, как жить. А ученые – тоже люди, со своими слабостями и страхами. За лекарства он не переживал, главное – дойти до цели.

Не ожидая от самого себя, он вдруг, заикаясь, произнес:

– Меня сама резервация не интересует. Среди людей жить нет никакого желания. Отвык я от людей. Мне вакцина нужна.

И внезапно, словно открылся внутри мощный поток, остановить который уже не было сил, да и не хотелось, Кандид на одном дыхании рассказал девочке все. Рассказал про семью, про сына и про жену, про то, как жили они в доме, обустроенном под крепость, чтобы обо-

роняться от людоедов, и про то, как вечерами, после ужина, читали по очереди друг другу романы о Томе Сойере и острове сокровищ, о злых викингах и отважных летчиках, любые книги, которые находили; рассказал, как учил сына держать оружие и стрелять, если с отцом что-то случится; рассказал про то, как делал вылазки за продуктами в ближайший склад, и про то, как однажды вернулся с рейда и обнаружил израненных жену и сына; про то, как от умирающей жены узнал, что, пока ходил за провизией, в дом пробрался мертвяк и покусал родных. Рассказал про то, как уже обращенных в зомби жену и сына связал веревкой и запер на холодильном складе, пообещав во что бы то ни стало найти лекарство и излечить их. Про то, как случайно услышал Голос из невыключенного радиоприемника, вещающий про «Свет» и вакцину. Про то, как шел один, как в бреду, туда, где было спасение, сбившись со счета времени – может, месяц, может, два, – потому что время перестало для него существовать.

Под конец уже, когда голос от долгой беседы осип, поведал про Философа, которого встретил два дня назад по пути к «Свету».

– Нудный тип, – устало улынулся Кандид, глядя на свернувшегося в клубок паренька, посапывающего на подстилке из упаковок подгузников и бумажных полотенец. – Все время норовит какую-нибудь умность выдать. Обнаружил его в одном кондитерском магазинчике – он просроченные пирожные уплетал за обе щеки. Думал послать его куда подальше, да пожалел. Помощь с него хоть и мало-мальская, но есть. Стрелять научил его, бывает, прикрывает меня.

Надя слушала молча, прикрыв глаза, и лишь иногда кивала головой, слабо улыбаясь, словно вспоминая какие-то свои моменты из прошлой жизни.

Кандид зачем-то спросил:

– Как думаешь, разработали ученые лекарство?

– Разработали, – кивнула девочка. – Конечно. Столько времени уже прошло, должны были изобрести. Голос же сказал, что совсем чуть-чуть осталось. А теперь и подавно сделали.

– Это хорошо, – выдохнул Кандид. На душе стало легче. Неужто они просто так сидели? Искали. И, наверное, уже нашли вакцину. Поэтому и зовут всех в резервацию, чтобы привить, чтобы обезопасить оставшихся от заразы. – Это хорошо, – шепотом повторил он и прилег у дальней стены магазина.

Впервые за долгое время Кандид уснул крепким, без тревог, сном.

* * *

...Проснулся оттого, что кто-то его тряс.

– Эй, слышишь меня?

– Чего тебе, Философ? Сколько времени? Что случилось?

– Пять утра. Нам надо уходить.

– Куда? Почему в такую рань?!

Кандид протер глаза ото сна, взглянул на бледную, испуганную физиономию парня.

– Эта попутчица наша, Надежда, она очень странный человек. Да и человек ли вообще? Может, она какая-то разновидность зомби, эволюционирующих, которые маскируются под людей? – зашептал Философ, озираясь. – Она всю ночь не спала! Я сам видел.

– Ты тоже, что ли, всю ночь не спал?

– Спал. Но я просыпался. Установил будильник через каждые полтора часа и наблюдал за ней. Она как была в своей позе, так и осталась.

Кандид оглянулся, но на том месте, где он в последний раз разговаривал с Надей, никого не было.

– А где она сейчас?

– Ровно без десяти пять она встала и пошла на улицу. Ковыряется в машине, кажется, чинит там мотор. С ней что-то не так, и это меня тревожит.

– Это с тобой что-то не так, Философ. Не все люди ночью спят. Есть такая вещь, как бессонница. Знаешь?

– А как же тот факт, что ее не пытаются съесть зомби?

– А вот это как раз и не факт, Философ. Ты это сам видел? Нет. И я не видел. А сказать можно все, что угодно. Да и к тому же день назад ты сам в это не верил, а теперь выдаешь за чистую монету.

– Не нравится она мне. Очень странная. Кандид, а вдруг она нам ночью глаза вырежет? Или по горлу бритвой полоснет?

– Что за бред?! Какие глаза? Какая бритва? Ты опять просроченные консервы ел?

– Ничего я не ел! Подкрепиться, кстати, не мешало бы. Я просто хочу сказать... – Философ задумался. Мозг напряженно заработал, пытаясь подобрать нужные слова. Узкие плечи сутулились – видимо, одолевала дремота. – Давай сбежим? Оставим ее здесь, пусть идет себе с миром. Дойдем мы до твоей резервации пешком, ничего нам не сделается. И я обещаю: жаловаться и ныть не буду.

Кандид поднялся, положил руку на плечо парнишки.

– Что-то я тебя совсем не понимаю. Ты же с пеной у рта убеждал меня в том, что резервация – это миф, а голос, который передал информацию, всего лишь чья-то плохая шутка. Дело, конечно, твое, я тебя насильно никуда не тащил, но в итоге ты все же согласился идти со мной до резервации.

– Согласился, – с явной неохотой подтвердил Философ. Тихо добавил: – Просто один оставаться не хотел, боялся.

– Ну вот. А теперь говоришь, что Надежде верить нельзя.

– Нельзя! – с жаром воскликнул Философ. – Конечно, нельзя! Надежда – не спасение.

– Но и без нее мы не можем. Без Надежды никак. У нее есть машина. А значит, в пути мы будем гораздо меньше времени, и рисков тоже, значит, меньше. Доберемся до резервации, к людям, там и останешься, найдешь себе новых знакомых и будешь им свои теории толкать. Ну, чего загрустил?

– А ты не останешься?

Кандид устало взглянул на Философа.

– Ты же знаешь, что нет. У меня есть другое дело.

Тот замялся, размышляя, говорить или нет. Все же сказал:

– Ты же понимаешь, что это необратимо? Даже если и создано лекарство, то только для нормальных людей, чтобы в случае укуса отравы не проникала в кровь. Тем, кто превратился в зомби, спасения уже нет и...

– Прекрати, – остановил его Кандид. – Мы уже говорили на эту тему. И повторяться я не желаю.

– Ты слушать просто меня не желаешь!

– Не доводи до греха, – в голосе Кандида зазвенела сталь, на лице заиграли желваки.

Философ вновь тяжело вздохнул и еще больше сгорбился.

– Посмотри на это трезво.

Кандид поднялся, давая понять, что разговор окончен. Уже выходя наружу, бросил:

– С тобой или без тебя, я все равно доберусь до резервации и достану это лекарство. А потом спасу своих.

Философ лишь неопределенно кивнул головой.

* * *

...Выехали рано, еще не было семи. Гнали по одинокой пыльной дороге, не жалея машины, иногда делая небольшие остановки, чтобы сходить по нужде и размять затекшие спины. В дороге Философ пространно рассуждал об эволюции и пытался подвести научную базу под появление оживших мертвецов, Надя часто курила, иногда споря с ним, Кандид все больше молчал, отвернувшись в окно. Когда ближе к вечеру выехали на ответвление дороги в Землегорск, все порядком устали.

– Привал бы устроить, – робко предложил Философ.

Но его сразу же осадил Кандид.

– Никаких привалов, – голос заметно дрожал. – Уже почти добрались. Оружие лучше проверь.

Философ хотел спросить зачем, но, увидев вдалеке косолапо бредущие тени, промолчал. Все сильнее чувствовалось общее напряжение, и лишь Надя продолжала курить, не обращая внимания на происходящее или делая вид, что ей все безразлично.

В город въехали окольными путями, опасаясь мародеров и бандитов. Пару раз останавливались, сверяя координаты с картой. Наконец, порядком измученные, приехали на огромный пустырь, окруженный двойным сетчатым забором. За оградой располагалось четырехэтажное здание, бывшее когда-то, судя по вывеске, районной больницей. На крыше, развеваемый ветром, колыхался огромный белый флаг, на котором было угловато выведено черной краской: СВЕТ.

– Добрались, – выдохнул Кандид и, не веря собственному счастью, рассмеялся.

* * *

Дверь тихонько скрипнула, в проеме показался невзрачный человек – плюгавый, узкоплечий, кривоногий, болезненно худой старик.

– Чего вам? – спросил он, внимательно изучая гостей.

Сердце у Кандида забилося быстрее. Он узнал этот голос. Да, тот самый голос, что подарил ему желание жить дальше.

– Мы ищем резервацию, – стараясь не выдавать волнения, ответил Кандид.

– Уже нашли. А мы – это кто? – нахмурился старик, заглядывая за спину гостю. – Вы с кем-то пришли? Где они? Прячутся? Учтите, у меня оружие есть, а на крыше охрана стоит, и вы у нее на прицеле! Без шуточек давайте!

– Нет-нет! – поспешно замотал головой Кандид, поднимая руки. – Мы ничего плохого не хотим. Мы просто ищем резервацию. Искали. Мы поймали радиосигнал и пошли по указанным координатам.

– Мы – это кто? – выделяя каждое слово, вновь спросил хозяин.

«Странный какой-то дед, с прибабахом», – подумал Кандид, но вслух терпеливо пояснил:

– Мы – это я, Философ и Надежда.

– И где они сейчас, эти люди?

Кандид не понял вопроса, но переспрашивать не рискнул. Ответил:

– Они стоят рядом со мной.

«Наверное, подслеповат», – озарила мысль.

Старик посмотрел на Кандида так пристально и тяжело, что тому стало не по себе. А потом, будто что-то поняв, улыбнулся, взгляд его оттаял, он мягко сказал:

– Понимаете, под старость плохое зрение стало. Вы мне пальчиком ткните на своих друзьях.

«В самом деле, слепой совсем», – только и смог подумать Кандид, указывая на своих спутников.

– Это Философ. А это Надежда.

– Что ж, – потер ладони пожилой мужчина и расправил плечи. – Все понятно. Проходите внутрь. Только прежде оружие оставьте здесь, – он указал на железную коробку, стоящую у дверей. – Таковы правила. Да вы не беспокойтесь, вас тут не обманут.

– Хорошо, – кивнул Кандид. И не стерпел, спросил: – Скажите, в том сообщении вы говорили, что вакцина скоро будет найдена. Уже нашли?

Собеседник не ответил, лишь махнул рукой в сторону темного коридора:

– Туда проходите, пожалуйста.

Вышли в накопитель. Хозяин долго изучал Кандида на предмет укусов мертвецов, однако к Философу и Надежде даже не повернулся.

– А их не будете смотреть? – спросил он у старика.

Тот коротко ответил:

– Нет.

Наконец зашли в комнату, регистрационную, судя по скудной мебели и большому письменному столу, на котором покоился огромный журнал, раскрытый на середине.

– Запишем вас, а потом врачу надо показаться.

– Зачем? – не понял Кандид. – Зачем к врачу? Мы же не ранены, вы сами нас сейчас осмотрели.

Старик долго подбирал слова, прежде чем ответить. Наконец произнес:

– Понимаете, иногда, скажем, при сильной усталости, нервном истощении или при некоторых кхм... психических и неврологических заболеваниях, могут возникать галлюцинации.

– И при чем здесь я? – искренне удивился Кандид.

Собеседник почесал ершик бородки, побряхтел.

– Давайте я лучше вам покажу. Так понятнее будет.

– Что покажете?

– У нас на входе мы установили камеры. Чтобы видеть уже издали, кто к нам идет, мертвецы или простые люди. Безопасность, понимаете ли.

Он завел Кандида в небольшой закуток, где на крохотном столике стоял такой же крохотный телевизор. Рядом сидел солдат. Завидев старика, солдат подскочил как ужаленный, вытянулся по струнке и даже, кажется, перестал дышать, превратившись в статую.

– Вот видите, – указал старик на монитор. – Сейчас показывает картинку в реальном времени, вот двор, вот вход. А если прокрутить на десять минут назад...

Он нажал на кнопку прокрутки, и выцветшая картинка начала отматываться назад.

– Вот, смотрите, это вы подошли, – он нажал на «Вкл».

– Как это... – только и смог произнести Кандид, глядя на одиноко стоящего самого себя у порога резервации. Рядом никого не было.

– А здесь вы показываете на своих друзей, когда я вас спросил. Помните? Я уже тогда догадался, в чем дело.

– Но... – начал Кандид и не смог закончить – слова застряли в горле.

– Да, они видятся совсем как живые, – кивнул старик. – Это частое по нынешним меркам явление. В резервацию каждый месяц приходит порядка двадцати человек. У семерых из них проблемы, подобные вашим. Это такая самозащита организма. Чтобы не свихнуться от одиночества, чтобы выстоять, мозг генерирует галлюцинации, создает костыли, чтобы измученный разум не упал. – Довольный придуманным сравнением, старик скрипуче хохотнул. – После отдыха и лечения эти люди начинают осознавать, что в резервации они не одни, и фантомы исчезают.

Кандид глянул на стоящих в углу напарников.

– Я давно намекал тебе, – пожал плечами Философ. А потом как-то разом осунулся, сгорбился, будто из него вытащили стержень, начал оседать на пол. – Но разве ты меня слушаешь!

Философ кашлянул, побледнел и упал замертво. Кандид дернулся было к нему, но остановился. Не зная, что сказать, посмотрел на девочку. Та спокойно стояла, прислонившись к стенке, и молчала.

– А лекарство, доктор? Вакцина, она готова? – только и смог прошептать Кандид.

Старик нахмурился.

– Какая вакцина?

– В том послании вы говорили, что почти изобрели вакцину...

– Я такого не говорил, я точно помню свои слова. Да вы их сами можете еще раз прослушать, если мне не верите, радиорубка с передатчиком и антенной у нас на верхнем этаже находится. Мы транслируем этот сигнал круглосуточно. Благодаря ему многих и спасаем. – Старик легонько похлопал Кандида по плечу. – А насчет вакцины это уже слуховые галлюцинации, такое тоже бывает, часто в сопровождении с визуальными фантомами.

– Но как же...

– Я предлагаю вам отлежаться у нас. Вы очень устали. Вам надо отдохнуть. Хороший сон, еда, отдых – и вы сами все прекрасно осознаете. Я не могу вас заставлять – наша резервация построена на принципах непринуждения, – поэтому лишь спрошу – вы хотите остаться, чтобы прийти в себя?

Кандид глянул на мертвого Философа, опустил голову и тихо ответил:

– Да, я остаюсь.

* * *

В комнате было тихо, тепло, уютно. Окна хоть и зарешеченные, но чистые – их каждый день протирает санитар.

– Умник Философ мертв, и это хорошо – будет легче идти.

– Тебя ведь нет на самом деле? – прошептал Кандид, косясь на девочку.

– Ну и что с того? Ты ведь есть. И ты меня видишь. – Надя закурила сигарету, оценивающе посмотрела на Кандида. Чекая слова, проинструктировала: – Сейчас придет санитар, принесет еду. Отвлеки его разговором, а сам в это время незаметно возьми вилку. Как только он отвернется, вонзи вилку ему в шею. Да рот не забудь заткнуть, чтобы не орал. Потом найди ключи от своей палаты.

– Что?! Зачем убивать?! Я ведь могу просто уйти, старик говорил.

– Не можешь. Резервацию организовали военные. Тебя просто так уже не выпустят, пока не излечат. А потом ты уже и сам не захочешь никуда идти. Потом ты уже ничего не захочешь. Ты просто превратишься в овощ, в живого мертвеца, душа умрет, останется только оболочка. И чем ты будешь лучше тех, кто ходит за периметром в поисках новой жертвы?

Кандид хотел возразить, но не нашелся что сказать.

– Внизу, на первом этаже, есть оружейная комната. Но там охрана. – Надя прищурилась, высверливая взглядом дырку на лице Кандида. – Охрану тоже надо убрать. Бери оружие и выходи на улицу, там стоит машина, в ней я и буду тебя ждать.

– Я болен. Не в порядке, – прошептал Кандид, обхватив голову руками.

– Это не имеет значения. Ничего в этом мире теперь не имеет значения, кроме одной вещи. Вакцина. И ее здесь, в этой душной больнице, нет. Все эти врачи сдались, они не ищут спасения, они лишь поддерживают жизнь. Но надолго ли? – Надежда придвинулась так близко к нему, что он почувствовал запах ее кожи – давно выветрившийся бледный аромат цветочного мыла и более явственный – пота, и от этого стало еще труднее поверить в то, что ее не существует на самом деле. – Все мы смертны. Поэтому надо найти вакцину, пока не поздно.

Тебе решать, как поступить – остаться здесь или идти дальше, за спасением для своей семьи. Выбирай.

– Философ говорил, что их уже не вернуть, – вяло попытался возразить Кандид.

– Философ мертв. Надежда жива.

– Ну да, она всегда умирает последней, – невесело улыбнулся Кандид.

– Верно, – кивнула девочка и пошла прочь, сквозь стены и двери, как призрак, прямоком на первый этаж и на выход, туда, где стояла их машина, оставляя его наедине со своими мыслями.

* * *

...Когда санитар убирал пустую посуду с тумбочки Кандида, вилки на разносе не было.

Ася Михеева Во имя Петра и Павла

Анна Александровна спала, когда они подъехали. Но от звука, с которым пила-болгарка взрезала железную дверь круглосуточной аптеки, проснулся бы и мертвый. Если они вообще спят, мертвые, кто их знает.

Окна у аптеки были бронированные – от наркоманов-то, но все-таки прозрачные. За месяц Анна Александровна нагладелась в окошко очень разного. Так что на всякий случай заползла под крепкий, сваренный еще в девяностые из какого-то могучего уголка прилавок и там притаилась. Щелок между фанерками, покрывавшими железную раму прилавка, было достаточно, чтобы подглядывать.

Дверные петли хрустнули. Эх, будь дверь поновее, понадежнее, – потосковала Анна Александровна. Аптека, конечно, не лучшая на свете спасительная капсула, но за окнами показывали совсем уж лютое кино. Даже когда на улице целыми днями ничего не происходило, о том, как оно, нонеча, не давала забыть застрявшая меж прутьев решетки кисть руки. Ее уже доедали опарыши, но кости пока не собирались распадаться.

Зашли двое. Оба в каких-то щитках и бронях, оружейные дула внимательно рассматривают комнату. Лиц, считай, и не видно.

– Проверь коридор, – сказал звонкий, почти мальчишеский голос.

Анна Александровна тихо легла на спину, сложила ладони трубочкой у рта и четко сказала вверх в эту трубу:

– Там никого нет.

Что толку? Прямо над ее головой из стены полетели куски штукатурки, на ноги посыпалось стекло. Очередь захлебнулась, послышался вскрик. Все тот же молодой голос злобно рявкнул:

– Чего ты палишь? И, твою мать, куда?

Второй голос что-то пробормотал, Анна Александровна не расслышала. На руки, прикрывавшие лицо, насыпалась колючая крошка, но двигаться она боялась.

– Где именно никого нет? – громко спросил молодой голос.

Она осторожно приподняла руки ото рта.

– По коридору направо две складские комнаты и налево туалет, дальше дверь в подъезд, она толще этой и заперта. За ней кто-то ходит. А тут никого нет, – она помедлила, – кроме меня.

– Никак живая, – удивленно сказал голос постарше.

– Не твоими трудами, – злобно добавил молодой.

– Ты мне прикладом чуть руку не сломал.

Захрустели шаги, один из них вышел в центр комнаты.

– Тетенька, что вы ели последний месяц? – спросил он как-то неестественно ласково.

– Диабетическую еду и витамины.

– А пили что?

– Ну, тут и минералки, и просто в бутылках еще даже искупаться пару раз хватит.

– А ни на что странное не тянуло?

– Повеситься пару раз, – горько ответила Анна Александровна неожиданно для себя.

Оба голоса понимающе хмыкнули.

– Живая, – решил окончательно молодой и велел: – Вставайте. Сань, узнай пока у Китайца, как там.

Пока она выпутывалась из осколков витрины и поднималась на ноги, второй протопал к дверям. Анна Александровна медленно обошла прилавок и остановилась посмотреть своему освободителю в лицо.

Примерно ее роста, для мужчины мелкий. Глаза между шлемом и корявым щитком серые, ледяные.

– Ансанна? – вдруг спросил он.

– Что?

– Ансанна? Вы ж у нас были медсестрой, нет?

Из школьного медкабинета Анна Александровна ушла в ночные дежурные уже года три как. Но гляди-ка, кто-то вспомнил.

Он повернулся, не отводя внимательного взгляда от женщины.

– Сань?

– А?

– Я вот думаю, мне докладывать Моисеичу, что ты нам чуть медсестру не застрелил, или смолчать?

– Сука, – неопределенно отозвался Саня.

– Если тихо, давай мешки таскать. Ансанна, думайте, что тут ценного в первую очередь и во что лучше паковать. Времени у нас полчаса в лучшем случае.

Анна Александровна кивнула и кинулась вытаскивать коробки покрепче. Только потом она сообразила, что подчинилась не автомату, все еще направленному в ее сторону, а твердому деловому тону.

Он прошел мимо нее к дальней двери, постоял там, прислушиваясь. Заглянул быстро в каждый из микроскладов и только тогда повесил автомат за спину.

Саня заходил, брал упакованные Анной Александровной ящики и утаскивал наружу.

Она выгребла всю перевязку, что была в аптеке, и начала сыпать уже все подряд. Желудок, простуды, печень, диабет... Для потенции, ха-ха. Нет, этот ящик пусть остается. Она наклонилась, вытряхивая упаковки антигистаминных с полки прямо в коробку.

– Эй, бери-ка второй конец, – скомандовал парень у нее за спиной.

– На хрена? – удивился Саня.

– Мы ее в кузов, че, прям на виду посадим?

– Думаешь, кузова не хватит?

– У тебя че, до фига медсестер?

Саня закрыхтел. Они выволокли в дверь тот самый прилавок, под которым от них пряталась Анна Александровна, и молодой вернулся один.

– Еще что-то важное тут есть?

– Вода бутылками, наркотики в сейфе, ключа нет. Так, в общем, примерно все. Памперсов еще всяких шкафа три.

– Уходим.

Прилавок стоял в кузове полуразвороченной грузовой газельки, закрытой стороной к дыре. Вокруг прилавок, закрывая его, громоздились ящики.

– Ансанна, лезьте, – скомандовал молодой, – ногами вперед, и я вас ящиком задвину. Вас не видно будет, если чо.

– Если что, мне уже пофиг будет, – желчно сказала Анна Александровна, забралась в кузов и с трудом впихнулась под прилавок.

– Это верно, – согласился парень и застегнул поверх сломанной двери «газельки» ременную застежку.

* * *

В себя Анна Александровна пришла, сидя на земле. Вокруг толклись чьи-то ноги, за ними серел бетонный забор. Она потеряла голову, пальцы испачкались красным.

– Сейчас, сейчас, – сунулся кто-то с пачкой влажных салфеток. Она отмахнулась, кое-как поднялась на ноги. Полуразгруженная «газель» стояла рядом. Железные ворота крепко заперты на засов и пару гаражных замков. Анна Александровна медленно, очень медленно выдохнула. Неужели все-таки спасена? Вокруг стояли люди без брони. В железках только один мужчина, невысокий и рыжебородый, который с несчастным видом разглядывал ее, крутя в руках шлем.

– Да не казни ты себя, Китаец, – спокойно сказал молодой голос у Анны Александровны за спиной, – ну сообразил бы ты запасной шлем дать, ей бы на жопу че упало. Приехали, живы, работаем дальше.

Рыжий Китаец криво улыбнулся, Анна Александровна хотела было повернуться, но покачнулась и передумала. Парень обошел ее сам. Шлем он снял, а броню стащил только с рук – на торсе у него продолжала красоваться нелепая конструкция, что-то вроде кольчуги, надетой на ватник, с проложенными там и сям металлическими бляшками.

– Вы как?

– Петя? – недоверчиво спросила она.

– Ну.

Анна Александровна не выдержала и засмеялась.

– Ну отлично, – сказала она, – кто бы сомневался.

* * *

Вечером она сидела в комнатке хозяина убежища – Михаила Моисеевича. Моисеич был отставным погранцом, дом этот охранял на зарплате, а то, что ему выдали вместо табельного оружия, – содержал в порядке. Когда народу в доме стало прибавляться, Моисеич скрепя сердце вскрыл хозяйский сейф и достал оттуда автоматы и все прочее. Мафия, она, конечно, не одобрит, если узнает – да жива ли та мафия? Опять же, лучше достать да дом удержать, чем доэкономиться.

Анна Александровна слушала. Было ясно, что Моисеич не делился до ее появления своими сомнениями ни с кем. А тут кто-то близкий по возрасту.

– А народ откуда? – спросила она.

– Петька с пацанами просто через забор перелезли. У меня еще камеры не сдохли, я их увидел, ну и... побежал палить, за ними же... гнались.

– Эти через забор не могут?

– Мальчишки же приволокли с собой бревно, лезли по нему. Потом бревно сбросили. Эти... побились, побились о забор, я боялся, поднимут бревно, думал будем палками спихивать, у меня ж только пистолет тогда был, а их толпа, голов сто, может. Но нет. Тупые.

– А остальной народ? Тут же человек десять?

– С вами, Анечка, семнадцать, – веско сказал Моисеич, – и всех до единого привел Петька. Четверо с ним пришли, но девочку, Марусю, спасти не удалось. Это отдельная история, с телом пришлось обойтись... довольно жестко. Потом Шон и Даня, ну то есть Дэн, но Даня, два здоровенных парня, кажется геи, но мне, честно говоря, плевать. Они охотники, вышли из леса со всем своим оружием и с патронами, Петька их где-то выловил на окраине. Они по-русски немножко блекочут, но так, с напряжением. Игорь и Саня, и с ними малой подобраный, года три, может, четыре. Они его Сенькой зовут, у Игоря сынок был... Вот на малыша, Анечка, вам надо будет очень-очень внимательно посмотреть, нехорошо с ним. Жанка, Светка и Рахмет – ну, бывшие шмары с водителем, эти сильно натерпелись, больше недели на втором этаже в таком же вот коттедже отсиживались. Ванька Китаев... ну рыжий такой, вез вас... Олег и Ринат, рыбаки, те в лодке спасались, Петька их тоже как-то выцепил, позавчера привел – Олег слаботочник и грозится нам тут радио наладить.

– А те, которые сначала с Петькой пришли, они тоже из коррекционки?

Моисеич задумчиво посмотрел на нее.

– Коррекционка?

– Я работала раньше в школе для трудноуправляемых детей. Пятидневка. Устала, да и годы мои давно уж как пенсионные, сколько можно с этими зверятами. Ушла вот в аптеку соседнюю по ночам дежурить. Ну, Петька еще три года назад звездой был. Убегал каждые три дня. Ухоронки какие-то рыл. Хижину на крыше построил, еле нашли его...

– По ночам, поди, орал? – с нехорошим прищуром потянул Моисеич. – Любоедов боялся?

– Орал, – задумчиво сказала Анна Александровна, – орал по ночам. И снаряжением вечно запасался. Первую настоящую пушку у него лет в девять отобрали.

– Если у тебя паранойя, – пробурчал отставник, – это не значит, что за тобой не охотятся... Но мне тогда понятнее, отчего он такой готовый. Я-то думал, обычные отморозки, а вот оно как... Как по вам, – сменил он тему, – у нас вопрос с медикаментами решен или их еще разок в рейд послать?

– Да я ж никого не смотрела толком, – хмуро ответила Анна Александровна, – один парнишка подходил, что глаз гноится, ну я ему сказала, в каком примерно ящике капли поискать.

– Завтра начните с маленького. Он Игорю неродной, они его с матери сняли.

– С мертвой?

– Да как сказать, уже ползла. Повезло дуракам невероятно. Ну, две недели с мальчишки глаз не спускали ни днем, ни ночью, все-таки вроде бы чистый. Но конечно... Тяжелый он после всего этого.

* * *

Увидев Анну Александровну, мальчик икнул, бросился к ней, повис на ноге и зарыдал. Отцепить и взять на ручки его удалось не сразу, зато, схватившись за шею, ребенок внятно сказал, между рыданиями:

– Баба!

Дядька, который его привел, облегченно вздохнул.

– Все-таки заговорил.

– А у вас тут женщины есть, – уточнила Анна Александровна, – они что?

– Э, – ответил дядька, – они обе блонды, как его мама, он их, когда видит, сразу в истерику...

– Баба? – сказал мальчик подозрительно, заглядывая Анне в лицо.

– Баба, – вздохнула она и ткнула пальцем ему в нос, – бибип! Биип! Это у нас кто?

– Паса, – сказал мальчик и снова заплакал.

– Паша? А мы Сенькой звали, – огорчился дядька.

* * *

Ночью Анну разбудили стрельба и крики. Осторожно сняв с шеи Пашины ручонки (он и во сне держался за обретенную бабушку, как клещ), Анна высунулась из комнаты на балкон. Вдоль забора на высоких деревянных козлах стояли люди, вспыхивали огоньки выстрелов. Что происходило за забором, Анна не видела, но легко могла предположить.

– Анечка, идите спать, – крикнул снизу Моисеич, – это обычное дело, ночью не одна, так другая толпа набегит.

Утром она собиралась посмотреть, как дела у того паренька, у которого гноился глаз, но выяснилось, что на обеих рабочих машинах почти все мужчины уехали. Шон и Дэн остались

дежурить на заборе, Олег копошился в мансарде, пытаясь из наличных деталей собрать радиоприемник, Саня помогал девушкам на кухне.

– Где все? – спросила Анна Моисеича, который с автоматом на коленях сидел на крыльце.

– По патроны поехали. Нехорошо, когда мало их остается.

– А почему такой толпой?

– А как еще? Это ж не аптека. В военную часть уехали. Собственно, в аптеку-то я их погнал в рамках подготовки. А то оно с бинтами-то получше все же, чем без.

Анна узнала у девушек, как обстоят дела с водой (с водой было не очень, но полведра для малыша нагрели), и на нагретом солнцем бетоне вымыла Пашу, завернула его в одеяло и посадила рядом, пока постирает его одежду. Мальчика разморило, он уснул, а Анна мрачно полоскала в мыльной воде детские вещи и думала о страшном.

* * *

Уже начало смеркаться, когда Шон крикнул сверху не по-русски, Дэн кубарем слетел с насеста над забором и кинулся открывать ворота. С визгом затормозив чуть ли не в стену, влетела «газель», за ней джип, из «газели» вывалился Петька с криком «Закрывай!» и вместе с Дэном навалился на ворота. Шон уже стрелял, из джипа выскочили двое и поднажали на ворота, засов щелкнул, кто-то уже стоял на второй стороне ворот и тоже стрелял.

– Ансанна, – обернулся Петька, – сюда, Рахмета ранило...

Анна, увидев рану, едва не потеряла сознание – не то чтобы она боялась крови, но ранение в живот в этих условиях... Все же оказалось, что Рахмет – большой счастливчик. Осколком – или кто его там знает чем – ему пропоролось вскользь кожу, жир толстенького водительского брюшка и мышцу под ним, но не до конца. Рахметовы кишки можно было почти разглядеть в ране, но, о счастье, они все еще оставались целы и там, где им положено быть.

С антисептиками у Анны Александровны было получше, чем с обезболивающим. Так что Рахмету дали два стакана водки и палку в зубы, пока она очищала от бетонных крошек рану, радуясь, что в заначке аптеки были не только пластыри. Шить было все равно нечем, просто сблизила края раны, так, чтобы не затруднять отток. Ну, будет шрам во все пузо. Лишь бы выжил.

– Уносите его, – скомандовал Петька, едва Анна Александровна разогнулась, – в дом, куда, Ансанна?

– На теплое и твердое, – ответила она и оглянулась в поисках Паши.

– На теплое и твердое? – повторил Петька и нахмурился. – Освободите ему лежанку на кухне, только постелите пару одеял. Ансанна, сможете со мной и Моисеичем еще поговорить, дело есть?

– Угу, – ответила она, глядя, как четверо мужчин уносят Рахмета на широкой доске в дом.

* * *

Враз постаревший Моисеич сидел над свежим радиоприемником и исписанным ворохом бумаги.

– Короче, так. Отсюда в семидесяти километрах живая военная база. Они завтра снимаются и уходят на северо-запад, будут пробиваться, как я понял, к морю.

– Зачем к морю?

– Мертвые мыши, – ответил старик, – крысы, собаки и чертовы зайцы.

– Птицы? – быстро спросил Петька.

– О птицах ничего не сказали, наверное, нет. А то и от моря был ли толк.

– Надо собираться, – сказал Петька, – пойду ребятам скажу, что куда.

- Погоди.
- Что?
- К той базе напрямую не подойти. У них и днем перед воротами стоит давка, как в сраный мавзолей.
- И?
- Отвлечь надо будет. Я поеду вперед на джипе и отманю, а вы на «газельке» проскочите.
- И как ты назад?
- Какое назад? Там же уже мертвецы-то старые, бойкие, будут по следу тянуть, пока бензин не выжгу.
- А может, прорвемся? – уточнил Петька. – Все ж смотри, нормально вооружились же.
- Прорветесь, я думаю, – сердито ответил Моисеич, – ты думаешь, я всех оттяну? – Он ткнул пальцем в бумагу перед собой: – У них там тысячи! Тысячи!
- Моисеич, – нехорошим голосом сказал Петька, – что ты задумал? Зачем тебе Ансанна? Бывший погранец скривился, потер лицо.
- Петро, если тебя вдруг сожрут, ты кого за себя оставишь?
- Меня не сожрут, – злобно ответил тот.
- Ногу сломаешь! По другому делу в другую сторону поедешь! Кто твой заместитель?
- Так ты ж, – недоуменно ответил Петька.
- Меня нет. Кого?
- Хм. Рахмета.
- Вот именно. Рахмета нет, ну, как боевой единицы, я, Анечка, в вашу работу верю, но сейчас его нет. Кого?
- Ох... Шона.
- Шон, чуть что не так, переходит на свой английский, и его один Даня понимает. Петька нахмурился и долго молчал.
- Тогда похрен кого. Хоть Светку, хоть малого, одна фигня.
- Мне на джипе нужен второй. Я хочу мертвецов не просто отманить, я хочу их запереть. Чтоб вы с вояками ушли спокойно. А в одного там не обойдешься. Я думал Рахмета взять, он бы смог.
- А я?
- А на тебе пятнадцать человек!
- Ансанна медик!
- Медиков-то на базе найдется, – с досадой сказал Моисеич, – надо, чтоб человек надежный был.
- Уж такая я надежная, – саркастически сказала Анна Александровна.
- Моисеич как-то очень нехорошо на нее зыркнул.
- Ох, Анечка. А скажите мне, что вы сегодня, как мелкого искупали, такая смурная ходите?
- Анна Александровна отшатнулась.
- Шрамы, поди, нащупали? На затылочке, под волосами?
- Она молча кивнула.
- Что за шрамы? – вмешался Петька.
- Укус у него там, Петро, – серьезно сказал старик, – меньше месячной давности. И зубы человечьи.
- Петька сжал зубы и невольно положил руку на оружие.
- Сынок, сколько у Маруси времени прошло от покусов до смерти? – быстро спросил Моисеич.
- Часа три.
- Ну, а остальных, кого ты сам видел?

– Да тоже так же.

– А мелкого мужики сколько с собой таскали, пока еще к тебе прибились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.